

Врата войны

Автор:

[Роман Бурево](#)

Врата войны

Роман Бурево

Врата войны #1

Земля после Третьей мировой войны. В обновленном мире больше нет места агрессивности и жестокости. Это новый Эдем, однако многим он пресен и скучен. Все изменилось, когда были найдены загадочные Врата. За ними – иная Вселенная, и это – настоящий ад. В этом мире разрешено все, и потому тут идет непрерывная непрекращающаяся война. Война каждого против всех. Здесь нет запретов, здесь нет законов. И тот, кто оказался в этом аду, сам становится вне закона. Но он может вернуться и забыть обо всем, и жить как прежде – если получится. В новый мир отправляются одни – чтобы утолить врожденную жажду убийства, вторые – в поисках бессмертия, а третьи – в надежде раскрыть тайну врат. Ведущий Интернет-портала Виктор Ланьер идет за врата, чтобы отыскать таинственную Валгаллу...

Роман Бурево

Врата войны

Война

Глава 1

Стрельба. Две короткие очереди. Одна длинная. Потом опять – две короткие. Значит – утро. Борис упражняется, срезает из автомата березки на косогоре. Под корень. Забава такая третье утро подряд. Попытка доказать (самому себе, разумеется) что руки не дрожат, а лес не плывет перед глазами и шатается только от ветра. Хотя ветра здесь нет. Тишина. Всегда тишина. Потому как рядом хроноаномалия. Слабенькая, но есть. Вокруг аномалии – хроноболото. Или просто болото. Или «боло» – так эти зоны называют на местном сленге. Впрочем, парадоксы времени – это летом. А сейчас осень, врата открыты. Время нормально бежит. То есть очень быстро.

Опять две короткие очереди, одна длинная. Скоро вокруг блиндажа и деревьев не останется.

«Будь снисходительным, – сказал себе Виктор. – Мы прошли вместе через смерть».

Из них троих (трое из одиннадцати, Виктор эти цифры запомнил навсегда) Борис поправлялся медленнее всех. Он и ходить снова начал только несколько дней назад. Всю осень лежал в блиндаже или на лапнике у входа и грелся, подставляя обессиленное тело скудным осенним лучам.

Две короткие очереди, одна длинная.

– Зачем... – пробормотал Виктор и заворочался в спальнике, понимая, что утренний сон безнадежно испорчен. – Мне снилось, что я ужинаю с Аленой. При свечах. Ветчина... м-м-м... мясо по-мексикански. На десерт шарлотка.

Просыпаясь, они говорили о еде. Засыпая – тоже о еде. И днем непременно. Тема неисчерпаема. Каша с маслом. горячая обжигает рот. Масло тает, желтенькая лужица масла, м-м-м... Хлеб белый, пышный, с красно-коричневой корочкой.... м-м-м... Вспоминаешь и отправляешь в рот сухарик. Комочек консервов. Все понемногу... Деликатесы? К черту деликатесы! Крошечные кусочки, листочки, горошинки. Игрушки. Проглотишь – ничего не ощутишь. Требуется что-то обильное, тяжелое, сытное. То, что набивает живот. Суп харчо. Куски баранины,

обжаренный лук, рис, помидоры... м-м-м... Нет, чанахи... чанахи сытнее – фасоль, баранина... м-м-м... А больше всего хочется того, что ел в детстве – картошечки вареной, рассыпчатой с подсолнечным маслом, сверху – лучок и укропчик. Еще – огурчик свеженький. В Витькином детстве пупырчатые хрустящие огурчики были деликатесом.

– Надо уходить, – Димаш высунул голову из своего серо-зеленого мешка, похожего на огромную гусеницу. – Чего ждать-то? Пока комбат пришлет за нами транспорт? Сердце чует – не пришлет. Еще день-другой протянем – до закрытия ворот не успеем. Вы как думаете, Виктор Павлович?

Виктор не ответил. Вылез из спальника. Встал. Сделал несколько приседаний. Голова не кружится. Это уже хорошо. Всем троим нужен врач. Вернее – госпиталь. Но батальон больше не выходит на связь. Вообще в Диком мире со связью всегда плохо: летом пакеты доставляют вестовые. Девятнадцатый век. Романтика. Скачешь верхом по лесу, солнечные полотнища меж стволов, зверье непуганое, птицы, олени. Красота. Но каждый второй посланец пропадает без вести. Либо мары пристрелят, либо медведь задерет. И вестовой подыхает с выпавшими из живота кишками. Или тонет в болоте, глотая вонючую воду. Виктору часто снилось, что он тонет в болоте. Просыпался в холодном поту. Кричал. Впрочем, они все трое вопили во сне, молотили руками невидимых врагов, рвались ходить – спальники мешали. Говорят, после мортала случается и не такое. Один парнишка пристрелил пятерых вроде как во сне. Шел, не открывая глаз, и стрелял. А в мортале провел всего полдня.

– Лейтенант слабоват еще, – ответил наконец после долгой паузы Виктор. – Если бы комбат вездеход прислал...

Впрочем, Виктор и сам признавал, что надежда на подобный подарок призрачна. Ну, пообещал комбат Васильев их вытащить, потом забыл. Вернее, понял, что зря сулил помощь. Зачем посылать в зону «синих» вездеход в то время, когда надо спешно отступать к воротам, и каждая машина на счету. Виктор на месте майора Васильева ни за что бы не прислал машину. Но он бы и не стал обещать, что пришлет.

– Дольше ждем – быстрее будем бежать. Жаль, дорожки здесь не самые ровные, – Виктор вздохнул.

– Мары, – добавил Димаш.

– И мары, – поддакнул Виктор. – Чтобы вернуться, уходить надо сегодня.

– Послушайте, Виктор Павлович... – Димаш выбрался из спальника, поежился. В одном белье теперь зябко; осень уже не ранняя: листопад, заморозки по утрам. Сырость. Сухари плесневели, едва их доставали из вакуумной упаковки, постель воняла грибами. Маленькая печка дымила – не согревала. Печку они топили нечасто: дымок от трубы заметен издалека. Дымок привлекал врага. Не умеют «синие» делать печки. Больше термопатроны используют и обогрев в спальниках. Но термопатроны у них были наперечет.

«Стрельба, можно подумать, не привлекает», – мысленно усмехнулся про себя Виктор.

Впрочем, они редко теперь думали о «врагах». То есть о «синих». Да и какие они, к черту, враги? Одни нацепили синие кокарды, другие – красные значки. Свой, потому что у него красный значок. На той стороне, может быть, «синий» – твой лучший друг, а «красный» тебе подлянку в офисе устроит и с потрохами сожрет. Только на той стороне ты не сможешь его пристрелить за это.

Иногда Виктор даже мечтал, чтобы «синие» вернулись в брошенный блиндаж и взяли их в плен. Без крови. «Враги» доставили бы их к воротам. Да, скорее всего, «синие» уже не опасны. Другое дело – мары.

На этом холме «игроки» обосновались давно. Блиндаж несколько раз подновляли. На стенах – постеры красоток. На самых первых, проеденных жучками, зеленых от плесени – Вера Найт. На тех, что клеили позже – Лиана Мин. Наполовину китаянка. Женщины восточного типа снова входят в моду. Почему-то «синие» ушли, все бросив. И блиндаж, и припасы, и оружие. Удрали в спешке, и никто не вернулся. Однажды ночью, учуяв запах съестного, в блиндаж забралась лиса. Огромная, как овчарка. Спросонья, Димаш решил, что это медведь, заорал благим матом, перепугал всех. Лиса удрала. Еще мышей было много. Мышей в этом мире много, потому что змей нет. Мыши большие, лисы большие, медведи – огромные. Такие тяжелые, что по деревьям не лазают. Летом трава поднимается в человеческий рост. В такой траве медведь легко может спрятаться. Или противник. Или мар.

А мортале трава не растет. Вовсе.

В животе противно заурчало. Неужели опять? Когда же это прекратится?! Виктор почувствовал ненависть к ослабевшему телу. С одной стороны, конечно, хорошо, что он испытывает хотя бы ненависть. Раньше, когда они вырвались из мортала, чувств не было. Вообще никаких – только жрать, жрать, жрать!

– Послушайте, – повторил Димаш, доставая из кобуры бластер и в который раз проверяя заряд батареи. – Вот зараза, хватит один раз шмальнуть. Да и то на самом мине. А у вас?

– Три, – ответил Виктор.

Заряды он, в отличие от Димаша и Бориса, берег. Возвращение – не самый простой этап завратной жизни. Он знал это с чужих слов. Но готов был этим словам верить.

– Виктор Павлович, вы же лейтенант, – напомнил Димаш. – Как и Борька. Значит, можете отдать приказ отступить. Может, лейтенант пасиком решил заделаться?

Непривычны эти звания. Почему лейтенант, почему капитан? Звания дают на той стороне, на этой воюют. Точнее – играют в войну. Но многие заигрываются. До смерти.

– Старший теперь среди нас лейтенант Рузгин, – напомнил Виктор. – Я ведь не стрелок – порталщик.

– Я все рассчитал. – Димаш суетился, не слушая возражений. Впихивал в рюкзак вещи: пищевые пакеты, люминофоры, теплое белье на смену. Вещи валялись на земляной пол, он вновь их запихивал. Торопился. – Сегодня двадцать шестое. – Он посмотрел на часы. Они показывали не только время суток, день и месяц, но и сколько осталось до закрытия врат. Нулевой меридиан этого мира проходит через ворота. Здесь только одна точка отсчета – врата. – Идти нам три дня. Если выйти утром. То есть в запасе ровно двое суток. Понимаете? А если мары? Если снег пойдет? Сейчас конец ноября. Здесь малость теплее, чем за вратами на той же широте. Но все равно. Снег повалит – нам кранты... Что будем делать, если снег?

– Соорудим лыжи... На лыжах еще быстрее идти, – рассеянно пробормотал Виктор, прислушиваясь ко все нарастающему бурчанию в кишечнике.

Таблетки, найденные в блиндаже, давно кончились.

– Вы серьезно? – растерялся Димаш.

– Нет, конечно. А может, и да... Откуда мы знаем, что в нашей жизни – серьезно, что – только смех?

– Ну да, да... – закивал Димаш. – Вы же всегда так. Только я не пойму... Тон у вас серьезный, а слова...

– Серьезно то, что у меня понос. – Виктор спешно натянул брюки и куртку, сунул ноги в ботинки.

Отличные армейские ботинки «синих» нашлись в блиндаже. Размер как раз тот, что у Виктора.

– Я в домик! Самое время подумать о нашем положении, – все тем же убийственно серьезным тоном сказал Виктор.

Выбежал наружу – и к уборной. «Домик» – это условно. Не было никакого «домика». Виктор с Димашем месяц назад пытались притащить будочку из брошенной деревни, но потом оставили эту затею. Силенок не хватило. После мортала они были слабы, как дети. Любая баба могла положить каждого на лопатки.

Среди невысоких ярко-зеленых елочек стояло два ярко-синих толчка. Виктор спустил штаны и опустился на тот стульчак, что слева. Левый стульчак был мужской, а тот, что справа – женский. Так они решили в первый день, когда добрались до блиндажа. Синего цвета толчки в ельнике остались от прежних обитателей. Анекдот: «У синих – синие толчки, у красных – белые. Почему? Ответ не помню... придумайте сами». Виктор усмехнулся, вспомнив, как на второй день оседлой жизни они вдвоем с Валюшкой сидели на стульчаках, маясь кровавым поносом. И ни ее, ни его это соседство не смущало.

Тогда, на второй день после спасения (они так все и говорили «первый день спасения», «второй день спасения», «третий...») Рузгину удалось связаться с комбатом. Лейтенант долго орал в коммик, повторяя одно и то же: «Мы угодили в ловушку... Да, в мортале... осталось четверо... (тогда их было еще четверо)... самим не выйти... пришлите вездеход...» Был уже сентябрь, связь работала. С грехом пополам.

– Обещал! Вася обещал прислать вездеход, – сообщил после разговора Борис. – Я ему координаты скинул.

Губы его расплзались в жалкой улыбке. Он, кажется, и сам не верил, что комбат придет за ними машину. Виктор только пожал плечами: если Васильев сумел прокормить обещаниями всю весну Эдика Арутяна, то Борьку Рузгина, несмотря на его лейтенантские нашивки, точно обманет. Комбат – торговец и делец. Все лето он продавал и покупал, ни от кого своих махинаций не скрывал. Арутян заплатил майору, и заплатил хорошо. Вопрос на засыпку: что мог предложить Васильеву лейтенант Рузгин?

– Говорят, Вася на той стороне дилером на бирже работает. Бабок у него немеряно. Особняк суперовский.

– Вранье, – отвечал Виктор. – Это он сам рассказывает, когда напьется. Мечта у него такая. На самом деле он торгует старыми машинами.

2

Проныра Арутян, деляга Арутян – какими прозвищами только его не награждали! Умел он со всеми договариваться, устраивал дела по ту сторону врат и по эту. С майором Васильевым еще на той стороне он заключил контракт. Договор простой: как только они проходят врата (непременно в мае, когда мортал еще безопасен) комбат дает двум порталщикам (то есть Виктору и Эдику) вездеход, человек десять сопровождения, запасные блоки питания и отправляет на две недели в секретную экспедицию. За оказанную помощь Васильев заранее получает кругленькую сумму. В чем цель экспедиции, Эдик не говорил никому, даже Виктору (впрочем, он и в редакции на той стороне никогда своих планов не раскрывал). Но Виктор знал, куда хочет добраться

Арутян. Легенды про Валгаллу в Диком мире ходили давно. Вот только дороги туда никто не ведал. Арутян показал Васильеву секретную карту. Комбат сразу понял, что придется идти через зону глубокого мортала. И еще понял – людей Арутян поведет на смерть. Карты той никто больше не видел. После смерти Эдика Виктор обшарил карманы Арутяна, но карты не нашел. Возможно, Эдик, как дурак, хранил карту в наладонном компе. Из наладонника в мортале текла зеленая слизь, и работать он, разумеется, перестал.

Беда, что они слишком затянули с отъездом. Комбат не хотел их отпускать, тянул время в надежде, что порталщикам и так хватит материала в Диком мире. Каждый раз у комбата находилось минимум десять причин, чтобы отложить экспедицию. То «синие» на хвосте, то батальон должен непременно выйти на заданную точку, то – поддержать масштабную операцию дивизии, то раненых надо отправить в эвакогоспиталь. Виктор иногда пытался угадать, какую новую отговорку придумает Вася. Никогда не угадывал.

Эдик ярился, ругался, грозил содрать с Васильева неустойку: экспедиция срывалась.

– Да брось ты! – невозмутимо хмыкал Васильев. – Времени у нас полно.

В мае и первой половине июня в Диком мире стоит тишина. Боев обычно не бывает. Если только какой-нибудь сумасшедший не вообразит себя новым Наполеоном и не попрет через болота и леса, через мортал напролом. Там и сгинет. В мае и в начале лета слишком сыро, дороги после зимы не восстановлены, а реки слишком полноводны и глубоки. Это время каждый расходует по своему усмотрению. Одни – на разработку операций, обсуждение планов и подготовку к нападению или к обороне. Другие оттягиваются по полной программе: завратный мир пьянит и обманывает призрачной свободой и столь же призрачной безнаказанностью. Говорят, однажды две армии дрались на мечах, обстреливали друг друга из луков, кололи копьями. Говорят... Да мало ли баек гуляет по завратному миру. Всех не упомнишь. Каждый бает по-своему. Почти все в мае охотятся: дичи тут вдосталь. Стреляй – не хочу. Поначалу ни медведи, ни косули людей не боялись. Потом, конечно, поняли, что к чему.

Арутян все же вытребовал у Васильева надувные лодки и решил сплавляться по реке. Течение бурное, повсюду коряги. Километр проплыли, и бац – купание в ледяной воде. Еще метров пятьсот – опять купание. Так весь день и провели в мокрой одежде. Наконец, измученные, выбрались на берег. Приметили два

подходящих камешка – вещи мокрые разложить на солнце. Только двинулись к ним, камни встали и пошли. Оказалось – медведица с медвежонок. Медведица – килограммов шестьсот, под два метра ростом, медвежонок – раза в два меньше. Ну, рванули, ребята, мчались так, как никогда прежде не бегали. На дерево не залезли – взлетели. Сидели и смотрели сверху, как медведи резвятся на поляне, ловко, без всякой неуклюжести, будто ничего и не весят. Сообразив, что обед с дерева им не достать, звери в два прыжка перемахнули реку и ушли на другой склон.

– Почему ты не стрелял? – спросил Арутян, сидя верхом на ветке и не собираясь спускаться.

– У меня «Гарин» осветительными зарядами заряжен, – отвечал Виктор. – То есть это не бластер сейчас, а ракетница. А ты почему не выстрелил?

Арутян не ответил. Да и что отвечать? Свой карабин он потерял в траве, пока мчался к дереву (потом, когда с дерева слезли и карабин нашли, выяснилось, что он вообще не заряжен).

– Если бы не этот дуб... – многозначительно сказал Арутян.

– Это береза, – поправил его Виктор. – Просто здешние березы очень похожи на наши дубы.

– Здесь все особенное.

– Да. И знаешь, что самое замечательное?

– Что?

– То, что здешние медведи по деревьям не лазают.

После этого приключения у Арутяна пропала охота идти на лодках по реке. Переночевали в палатке (до ветру выходили непременно с оружием) и вернулись в лагерь.

– Я всегда знал, что порталышники – шустрые ребята, – встретил их ухмылкой комбат. – Говорили: нужно две недели. Управились за два дня.

– Мы охотились, – соврал Арутян.

– На кого?

– На медведя, – ляпнул Эдик.

– Я и не знал, что ты снайпер, дорогой! Можешь медведю в глаз попасть, чтобы пуля в мозг вошла. Иначе пулька из этого карабина медведя не завалит. А если не завалит – ты покойник.

Эдик покраснел. Потом полиловел. Кусал губы. Виктора разбирал смех.

Май истек. Скатился в июнь и лето. Врата закрылись, идти в экспедицию через зоны смертельного леса теперь было самоубийством. Безопасным (относительно) смертал станет только в сентябре. Арутян надеялся все дела завершить за две недели весной, а осенью, когда врата распахнутся и начнется исход, первым нырнуть обратно (благо порталышников пропускают без очереди – таков закон) и явиться перед Гремучкой победителем. Теперь его планы рухнули. Придется ждать три месяца. А в сентябре истратить две или три недели на таинственную экспедицию. Успех, неуспех, почти все едино: первым за врата уже не прорваться. Что бы теперь ни удалось отыскать Арутяну, сенсация будет второй свежести. То есть с душком. С каждым днем Эдик бесился все больше, пытался придумать выход, рисовал какие-то схемы, расспрашивал ветеранов, тех, кто побывал за вратами, и не раз, все твердили одно: соваться в смертал в августе, до открытия врат, смертельно опасно.

Эдик нервничал, худел, чуть что – срывался на крик. Для него ожидание было ножом острым. Виктор же, напротив, оставался невозмутимым. Задание от Гремучки у него было одно: снимать то, что интересно. И он снимал, ни на минуту не расставаясь с видашником. Записанные инфокапсулы ложились в коробку одна к другой. Завратный мир сулил новое каждую минуту, любая банальность могла обернуться сенсацией или катастрофой – для кого как.

Помнится, в долине Белых кроликов офицеры на исходе июня решили немного расслабиться. Пикничок: вино, водочка, шашлыки. Погоды стояли чудные... Все

цвело, благоухало – деревья, травы... мелкое озерцо прогрелось не хуже бассейна. Девчонок пригласили: их не так мало идет через ворота, искательниц приключений, бедовых подруг или просто дешевых давалок, решивших подзаработать.

Пили (коньяк и вино), ели (шашлыки получились отменные), травили анекдоты (над старыми, с бородой, смеялись особенно долго), предвкушая легкие победы над «синими». Сидевший рядом с Виктором лейтенантик вдруг повалился на пикниковую скатерть, лицом в порезанные кусками помидоры и огурцы, обрызгав щеку Виктора густым и теплым... Виктор отшатнулся. Это его и спасло. Вторая пуля прошла там, где мгновение назад была голова порталышика, и угодила сидящей напротив на траве красавице-врачихе в грудь. Еще один выстрел. Кто-то продолжал хохотать над последним анекдотом, но остальные повалились на траву, елозили, отползая от залитой кровью скатерти под защиту ближайших валунов. Виктор схватился за рукоять «Гарина». В первый момент забыл сбросить предохранитель, давил на кнопку разрядника, не понимая, почему проклятый «Гарин» не стреляет. Ворота закрыты. Но это же не мортал – в мортале «Гарин» летом бесполезен. Потом сообразил, вспомнил про предохранитель. Откуда вели огонь «синие» снайперы, он не знал. Откуда-то сзади, раз пуля угодила лейтенанту в затылок. Виктор развернулся и принялся поливать лучом серую скалу, что возвышалась над поляной. Батарея «Гарина» села через полминуты. Кто-то из офицеров уже опомнился, слева и справа грохотали выстрелы из автоматов. Били все по той же серой скале. Но «синие» больше не стреляли. Где они? Там? Ушли? Пальба постепенно стихала. Где снайперы? Не определить. Виктор нащупал непослушными пальцами бинокль, но ничего разглядеть не успел: полыхнуло белым огнем, скала осела и медленно развалилась на части – кто-то из «красных» выпустил фотонную гранату. В этом году их разрешили наряду с парализующими. Ну вот, теперь уже точно не узнать, был ли там кто-то. Виктор подполз к лейтенанту, убитому в начале пальбы. Перевернул. Вместо лица – красное месиво с прилипшими кружками огурцов. Огурцы тоже красные.

– Салат с кровью, новое блюдо, – хмыкнул офицерик рядом и заржал.

– Разве так можно?! Я спрашиваю: разве так можно? – кричал Рузгин, потрясая в воздухе «Гариным», из которого он ни разу не выстрелил. – Это – подлость! Удар в спину! Гады! Так нельзя! Нельзя! Куда смотрят наблюдатели?

Он схватил бутылку коньяка, открыл, хлебнул из горла, закашлялся.

Приехала на джипе с белым флажком военная полиция. Но поскольку скалу разнесли на куски фотонной гранатой, разбираться с инцидентом не стала. Немолодой мужчина в серой форме с белой повязкой на рукаве, украшенной буквами «МР», долго о чем-то объяснялся по рации с начальством.

Спустя полчаса прилетел вертолет наблюдателей, сделал круг над местом происшествия, произвел съемку и улетел. Вертолетами на этой стороне располагал только наблюдательный совет. Вертушки провозили через врата частями и собирали уже здесь. Назад не возвращали. На зиму вертушки оставляют в ангаре под защитой силовых установок и отряда военной полиции. Говорят, каждую зиму мары пытаются их отбить. Пока не получалось.

Мары. Призраки, дьяволы, проклятые. Их ненавидят все – и «синие», и «красные», – и все боятся. Мар – худшее ругательство по эту сторону врат.

Виктор положил руку Борьке Рузгину на плечо.

– До сих пор никто не знает, чем отличается военная хитрость от подлости. Формально они не нарушили ни одного из пунктов летней операции. Мы в зоне военных действий.

– Вы кого-нибудь убили, Виктор Палыч? – спросила Валюша. Когда стреляли, она была в кладовой – набирала в корзинку припасы. Теперь вернулась. Заахала, потом вспомнила про аптечку в сумке, кинулась перевязывать. Раненых было трое. – Убили?

– Не знаю, может быть. Скорее всего, нет.

– Это хорошо, – Валюша одобрительно кивнула. – То есть для вас хорошо.

– Почему? – не понял Виктор.

– Говорят, тот, кто убивает, на ком кровь, рано или поздно уходит к марам.

– Кто вам сказал подобную чепуху, Валюша? – пожал плечами Виктор.

– Это все знают.

– Спасибо, что предупредили, милая.

В человека Виктор стрелял не впервые. Впервые было на той стороне. Когда отряд миротворцев окружили в Дарфуре. Семь лет назад.

З

Эдик всю перестрелку пролежал за камнем, лицом в землю, руки – на голове. Он что-то бормотал, подвывал, проклинал и плакал. Был готов сдаться. Он был жалок. Кто бы мог подумать в тот день, что Арутян потом окажется таким смелым в мортале!

Вечером Эдик явился к Виктору в сборный домик (на базе они жили в аккуратных домиках с туалетами и душевыми, почти комфортно) и заявил, что экспедиция переносится на август. Комбату уже предъявлен ультиматум: или Васильев дает людей и вездеход, или возвращает аванс и платит неустойку. Васильев юлил, отговаривался: очередная операция на носу, вездеходы наперечет, лето, значит, врата закрыты, людьми в мортале рисковать нельзя. Эдик напомнил: договор лежит на той стороне у Гремучки в сейфе. Неустойка в нем прописана пятизначным числом.

– Подожди до сентября, – советовал комбат. – Куда ты торопишься? Почему именно весной или летом?

– Большая игра. Думаешь, тебе просто так деньги заплатили?

Васильев сдался.

То есть сказал:

– Ладно, хочешь сдохнуть в мортале – сдыхай.

Выделил лейтенанта Рузгина и с ним еще семь человек вместо обещанных десяти. Валюша вызвалась сопровождать их добровольно. Та самая Валюшка, Валентина, пухленькая, развеселая хохотушка.

Все это красочно в лицах вечером рассказывал Эдик, глотая коньяк как воду. Виктор слушал и качал головой. Он понимал: Эдик тащит их на смерть. Понимал это и майор Васильев. Не в первый раз комбат в Диком мире, знал, что к чему.

«Смерть? Ерунда! – отговаривался Арутян. – Я знаю, как пройти мортал. Ты и не заметишь, что угодил в этот долбанный лес!»

Но Виктор не верил. Для Арутяна главное – добиться цели. Какими путями и как – все равно. Убеждать – бесполезно. Напугать? Виктор пытался. Но в ответ Эдик лишь хитро подмигивал и твердил: «А я не боюсь». Можно было отказаться (Виктор имел право как порталщик: где хочу, там и снимаю, и никто мне не указ); второй вариант – пристрелить Арутяна, чтобы тот никуда не пошел и людей не погубил, и, наконец – третий – идти вместе с Эдиком и попытаться вытащить ребят из мортала.

Первый вариант Виктор сразу отмел, второй – не мог исполнить. Значит, оставался третий путь...

И они отправились. Середина августа. Жара. Просторы. На той стороне не увидишь такого: равнины, луга, реки, леса, нетронутый великолепный мир. Здесь все – необозримо. А там – впритык, плечом к плечу, построено, посажено, подстрижено. Все ненастоящее, даже то, что растет и дышит. Там – суета и духота. Здесь – тишина, запах травы, бездонные небеса, бездонные озера и реки; заблудишься и утонешь мигом – в небесах или в воде. Тишина. Только здесь понимаешь, что это такое. Но тишину рано или поздно разорвет автоматная очередь. Люди...

Зона войны. Она нанесена на карту. Заранее, еще зимой, генералы договариваются и очерчивают район, где будут воевать. Каждому стрелку при проходе через ворота выдают бумажную карту. Последний краткий инструктаж в полевом лагере перед воротами: «Ты должен быть здесь к началу июня. А ты – здесь. Тут можно стрелять. Тут – нельзя. Похоронные команды, медики, красный крест, военная полиция, наблюдатели, пацифисты, то есть пасики – неприкосновенны. В любое время можно убивать только маров. Этих – сколько

удовно. К стенке. То есть к ближайшему стволу. Без знаков отличия ходить запрещено. Синие и красные значки не прятать. Мишень для снайпера? Все равно запрещается. Возьмите для детей конфеты. Что? Откуда в завратном мире дети? Не знаю. Но их там полно. Купите не меньше килограмма. Иначе получится некрасиво». – «Где купить?» – «В киоске». – «Там цены бешеные. Двести граммов хватит за глаза. Да и нет там никаких детей. Враки». – «Все, инструктаж закончен, вопросы есть? Нет? Ну, и отлично, остальное сами поймете».

Детей они увидели в первый день, как прошли врата. Мальчика лет десяти и девочку лет семи. Они торговали серебряными портсигарами. Конфеты взяли. Охотно. Но цену на портсигары не скинули. Дети смотрели на вновь прибывших снизу вверх. А казалось – сверху вниз. Снисходя.

4

После выхода из лагеря им везло поначалу. Ни стрельбы, ни маров.

Вездеход мчался по дорогам в расположении «красных».

– Говорят, у «милитари» где-то в южных краях есть целый поселок. Роскошный. Дома с бассейнами, кафе, клуб, – таинственным тоном сообщила Валюшка. – К поселку дорога проложена, и на ней охрана.

– Говорят, – ей в тон отозвался Рузгин. – На севере есть бараки, обнесенные заборами с колючей проволокой. Туда дорога ведет, и на ней – охрана.

Но там, где они ехали, не было ни роскошных поселков, ни бараков. Вообще ничего. Природа первозданная. Лишь однажды на холме заметили недостроенное здание. Пустые глазницы окон, вход без двери. Купольная крыша и крест. Церковь? Они из любопытства свернули с дороги и поднялись на холм. В самом деле церковь. Недостроенная. Уже начала разрушаться.

Два раза их останавливал патруль, проверял голограммы и коды.

– Портальщики? – «эмпэшники» смотрели на них настороженно, зачастую именовали – стервятники. Реже – кровососы. Еще говорили: демоны.

«Я – хороший демон», – непременно отвечал в таких случаях Виктор.

«А я – плохой», – добавлял Арутян.

Да и какие они демоны? Просто делали свою работу, как все. Одни торгуют, другие растят огурцы, третьи выпускают баночное пиво, четвертые строят планетарный лиф. Портальщики продают картинки. Большинство обожает глядеть на трупы, вспышки бластеров, ночную стрельбу и кровь. Все должно быть настоящим, неподдельным. В фокусе. Портальщик, как снайпер, должен попадать в цель. Только и всего. Работа такая.

«Хотите попасть в портал? Сейчас запечатлеем», – на это предложение покупались почти все. Кидались позировать. Принимали картинные позы, потрясали оружием, скалили зубы. Подозрительности как не бывало.

На дорожной развязке уже перед самым морталом их вездеход снова остановила военная полиция. Сержант в серой форме взял планшетку Арутяна.

– Идете в мортал? Летом? – спросил равнодушно. – Знаете, что это опасно?

– Знаю, – хмыкнул Арутян самодовольно.

Сержант заглянул внутрь машины.

– Девушка с вами добровольно? Подтвердите.

– Я – лейтенант медицинской службы! – сообщила с гордостью Валюша.

– Добровольно находитесь в данной группе? – переспросил сержант.

– Конечно!

– Продукты с собой? Вода? «Дольфины»?

– Все на месте.

– Тогда езжайте.

Почему сержант не задержал их? Неужели не знал, что перед ними ловушка, что из этой пропасти, из этого мортала никто никогда не выходил назад? Знал, конечно. Но не обязан был задерживать. Формально сержант «МР» должен был их пропустить. Ведь он не виндекс, чтобы пасти чужие души и спасать тела.

так они пересекли грань. Дорога слегка выгнулась, вездеход подбросило, внутрь пахнуло ледяным ветром. Они въехали в мортал. На миг стало не по себе. А потом сразу – весело.

– Знаете, что мне нравится в этом мире? – спросил Рузгин, смеясь.

– То, что можно нассать в любом месте, и никто не оштрафует! – заржал Гришка Савин.

– Если помочиться рядом со штабом, то могут пристрелить, – заметил Виктор.

Все захохотали еще громче.

– Да ну вас! – обиделся Рузгин. – Ничего вы не понимаете!

– Что такое важное мы должны понимать? – глумливо ухмыльнулся Савин. Он был тощий, узкоплечий, форму выбрал на два размера больше, она висела на нем мешком.

– Здесь свобода. Свобода! – повысил голос Рузгин. – Я могу дать человеку по морде, могу буквально взорваться от ненависти. Могу убить, в конце концов. Но проклятый коммик не станет пищать и доносить на меня. «Ваш порог агрессивности недопустимо понизился. Вы можете в любой момент совершить акт агрессии», – передразнил Рузгин сообщение контрольной службы. – И виндексы не явятся.

– А что... правда... виндексов здесь нет, – хмыкнул Димаш не очень уверенно.

– Никогда не думал, что это и есть свобода – право безнаказанно убивать, – сказал Виктор.

Рузгин смутился:

– Вы не так меня поняли.

– А как я должен был понять?

– Конечно, это и есть свобода, – объявил Гришка Савин. – Убить, кого хочешь! Трахнуть, кого хочешь.

– Мне всегда казалось, что на той стороне в смысле траха выбор куда лучше, – заметил Борис зло. Савина он не любил.

– Гришке на той стороне ни одна не дает! – фыркнул Димаш.

Новый взрыв смеха. Савин побагровел.

– Ну все, теперь ему захочется кого-нибудь убить, – объявила Валюша.

Вот так, хохоча, они едут по морталу. Высоченный лес. Деревья, обросшие седым мхом. Ни подлеска, ни кустика вокруг, лишь ржавая хвоя устилала землю. Ни птиц. Ни ветра. Тишина. И вдруг она лопается. Это рушится с грохотом древесный великан. Лежит, содрогается, умирая. Легкое дуновение проносится между стволами. Проносится и замирает. Кто здесь проложил дорогу и когда – неведомо. Но дорога есть. Не исчезает. Не зарастает. Рассекает мортал почти по прямой. Вездеход мчится по ней к цели, известной лишь Арутяну.

Смех постепенно стих. Гришка Савин попробовал горланить похабные песни. Никто не смеялся. Даже Валюша. Умолк и Гришка. Все оглядывались, дышали часто-часто. Воздуха не хватало. Мутило. И еще всем хотелось пить. К счастью, «Дольфины» двести второй модели наполнялись в мортале почти мгновенно. «Наши волшебные фляги», – любовно называли их стрелки. Специальные пробки собирали конденсат из воздуха в бутылки. Пол-литровая бутылка во влажном воздухе наполнялась три-четыре раза за сутки. Бутылки с готовой водой брали обычно на всякий случай. Кто-то утверждал, что собранная в мортале вода

пьянит не хуже водки. Вранье. Просто сам мортал давит на психику. В мортале все другое – и время прежде всего.

Они пили, но не могли напиться. Их мучила жажда, хотя лес вокруг источал влагу, меж огромных стволов висел пластами синий туман.

– Эй, стоп! Отлить надо! – заколотил по кабине водителя Димаш.

Водитель тут же тормознул: самому приспичило.

Они выпрыгнули из вездехода, выстроились вдоль дороги.

– Поливай! – отдал команду Рузгин.

Валька прыснула от смеха и побежала дальше, вглубь, прятаться за какие-то коряги.

– Э, ребята, смотрите, у меня струя льется и не кончается... льется и... – захлебывался идиотским смехом Димаш.

– Это же мортал, здесь все особенное! – отозвался Борис.

– А если трахнуться в мортале? – предложил Димаш.

– Валюша! – хором завопили парни. – Мы тебя ждем... – и загоготали.

– Отставить! – прикрикнул на них Борис, вспомнив о своих лейтенантских нашивках. – Штаны застегнуть.

– Да ладно... мы ж пошутили... – примирительно хмыкнул Димаш.

– А чего, можно и трахнуть. Я – за... – осклабился Савин.

Странно, но Валя не возвращалась. Услышала жеребьячье ржанье? Испугалась?

– Пойду, поищу ее, – сказал Виктор.

– Эй, ты че, первым хочешь быть? – хмыкнул Савин и даже шагнул следом.

Виктор обернулся:

– У тебя с собой «Гарин», придурок. «Гарин» в мортале не стреляет. У меня «Беретта». Яйца точно отстрелю.

Савин сплюнул сквозь зубы, вернулся к дороге.

– Вот урод, подстилку оберегает, – расслышал Виктор (звук в мортале отчетлив, и слышно порой за сотню метров так, будто над ухом сказали). – Зачем же она через ворота поперла, если не трахаться.

Виктор направился к поваленным стволам, ощущая глухую тревогу. Сердце колотилось. Часто. Еще чаще. Захлебывалось. Пот выступил на висках и лбу, на шее, струйкой стекал по спине. Тело сделалось чужим и как будто легче. Хотелось подпрыгнуть и зависнуть в воздухе.

«Возможно, я на Луне», – Виктор остановился. Деревья казались ненастоящими. Огромные, одинаковые. Стволы не обхватить руками. И без коры. Да, да, гладкие серые стволы. Как мертвые. Но еще живые. Столетние. Вечные. Кроны заслоняли небо, сверху колючим дождем осыпалась хвоя.

И тут с ним случилось это впервые. Он не знал, как назвать... помутнение, что ли... время остановилось. Пропало. Перед глазами мелькнул лейтенантик. Живой, круглолицый, улыбающийся. Тот самый, убитый на пикнике, чья кровь брызнула Виктору на щеку и обожгла. Парнишка стоял рядом, как живой. Хрустел огурцом. Бормотал что-то с набитым ртом. Кажется, про станцию на спутнике Юпитера, Европе. Будто у него какой-то проект насчет этой станции. Причем, там, на пикнике, лейтенант ничего такого не говорил.

Потом вдруг выпалил:

– Скорее. Она там.

Видение пропало. Только виски покалывало.

Теперь Виктор знал, что Валюшка за этим огромным поваленным стволом, сидит на влажной мертвой земле и не может подняться.

Виктор попытался сглотнуть. Окликнул:

– Валюша!

То ли стон, то ли жалобное хныканье в ответ. Виктор обогнул гниющий ствол. И увидел, что дальше живой лес обрывается. Впереди – черная земля. Серыми тушами – остовы огромных деревьев. Валя сидела, прислонившись спиной к коряге, на темной, гнилой хвое. Виктор узнал ее по одежде. Сама девчонка изменилась до неузнаваемости: круглые щеки запали, глаза ввалились, позаячьи остро выдались вперед зубы.

– Витенька! – она протянула тонкие прозрачные руки с длиннющими ногтями.

Упитанная двадцатилетняя хохотушка за пятнадцать минут превратилась в ходячий призрак. Скелет, обтянутый кожей, обряженный в тряпки.

«У нее последняя степень дистрофии», – мелькнула мысль.

– Валюшка, скорее отсюда! – Виктор протянул ей руку.

– Не могу... – Она плаксиво скривила губы.

Он подхватил девчонку на руки. Весила она всего ничего, цыпленок. Но у Виктора почему-то подкосились ноги. Он едва не упал. Но все же сделал шаг, другой, третий. Обогнул проклятый ствол. И тут Валюшка выскользнула у него из рук. Брюки ее были перемазаны чем-то липким, вонючим.

Следом и сам Виктор опустился на землю: ноги не держали.

«Она мочилась и гадила под себя...» – сообразил он, вытирая ладони о влажную гнилую хвою. Мочилась и гадила долгие дни...

Потом вспомнил про «Дольфин». Вытащил из кармана. Бутылка была полна до краев конденсатом, хотя Виктор пил из нее всего несколько минут назад. Он

сполоснул руки, сделал пару глотков и протянул бутылку Валюше:

– Пей!

Она послушно глотнула. Ее тут же вырвало. Он заставил ее выпить еще. Поднялся, ухватил девчонку за шиворот и поволок за собой по влажной хвое. Не дойти. Еще два шага – он рухнет. И уже не встанет. Виктор вспомнил про пищевые таблетки. Вытащил свободной рукой упаковку из нагрудного кармана, закинул в рот три штуки. Они пахли плесенью, во рту тут же раскрошились. Виктор заставил себя проглотить горькое крошево.

Дорога рядом, всего в сотне шагов... и чего эта дура так далеко забралась... идиотка... дорога... спасение... В мортале лучше всего идти дорогой... самый безопасный путь – по дороге.

Он понял, что сейчас упадет. Крикнул:

– Ребята!

Не узнал свой голос – слабый, сиплый. Не услышат.

Но его слышали. Подбежали Арутян и Борька.

– Что слу... – слова замерли у лейтенанта на губах: он увидел Валюшу. – О, Господи! – только и выдохнул он.

Рузгин и Эдик подхватили девушку, потащили к вездеходу. Виктор, пошатываясь, побрел следом, непрерывно глотая воду из «Дольфина». Бутылка тут же наполнялась вновь.

Рузгин усадил Валюшу на сиденье в вездеходе, но она сползла на пол.

– Ребята, поесть, – бормотала и тянула, как ребенок, к ним руки.

Борька открыл для нее банку консервов. Она схватила, принялась жадно выгребать содержимое пальцами. Виктор не стал лезть в машину. Да и Рузгин выскочил наружу.

Все вдруг сразу почувствовали зверский голод, уселись у обочины и накинулись на консервы. Димаш открыл банку для Виктора.

– Виктор Павлович, да на вас лица нет. Что такое?

Виктор провел ладонями по лицу. Щетина отросла, как за неделю. Щеки ввалились. Голода он не чувствовал – лишь тупую боль в желудке.

«Нельзя есть много сразу, надо по чуть-чуть, понемногу», – остерег сам себя.

Но бесполезно: он проглотил содержимое банки до дна и тут же накинудся на вторую. Остановиться не было сил.

– Эй, кто усадил эту дуру на мое сиденье? – возмутился Гришка Савин. – Она мне все сиденье измазала. Поглядите! Вот гадство!

– Хватит орать! – напустился на них Эдик. – Надо ехать дальше. Скорее! Вездеход!

– Да там Валька на полу лежит, обосралась в мортале, вонища! – заявил Савин.

– Пусть переоденется! – приказал Эдик.

– Погодите! – Виктор спрятал банку с недоеденными консервами в карман. – Куда мы едем? Зачем? Это ловушка. Мы не сможем проехать мортал. Надо поворачивать назад. Иначе Валька умрет. И мы все – тоже.

– Чего ты там спикаешь, кретинос! – шагнул к нему Эдик. Сам на себя не похожий: глаза как уголья, губы трясутся. Правая рука на кобуре, дрожит. – Струсил, да? Трус? Да?

– Это не трусость – элементарный здравый смысл. Летом нельзя соваться в мортал. Это известно любому, кто чуть-чуть знаком со здешним миром. Надо ждать до осени, когда откроются врата...

– Я не буду ждать! – орал Эдик. – Если трус – возвращайся. Пешком. Гоу хоум! Мы поедем дальше. Без тебя.

Там, во время стрельбы на пикнике, Арутян перетрусил до смерти. А теперь не боялся. Ни капельки. Виктор недоумевал – почему? Не такой уж Эдик идиот, не попрет наугад. Таблеток наглотался? Спятил? Виктор оглянулся. Рузгин и его команда стояли молча. Виктор был старше каждого из этих ребят лет на пятнадцать. Все вопли насчет трусости не для него. Но Рузгин и Димаш отводили глаза: в двадцать не стерпеть, если тебя называют трусом. Да и опасность в мортале вроде как ненастоящая: ну пить хочется, ну голод мучает, тошнит, в животе рези. Можно вытерпеть. Только они не знали, зачем это все – усилия и лишения без цели.

– Назад я пешком не дойду, – ответил Виктор. – Даже по дороге мне не дойти. Умру через сутки. Или двое. Прикажи водителю повернуть. Здесь не просто mortal. Здесь ловушки. За час или два любая из них высосет все силы. Не пройти.

– Заткнись и молчи! Я знал, что ты трусишь, Витек. Без тебя идти хотел – Гремучка настоял, чтоб тебя взяли.

– Сколько стоит твоя сенсашка? Миллион? Два? За десять жизней – миллион. Дешево что-то. Твоя не в счет. Твоя – священна. Поворачивай назад, – прохрипел ему в спину Виктор. – Сам пропадешь, ребят погубишь. Ради мифической Валгаллы...

У Арутяна перекосило лицо. Он выхватил бластер. «Гарин» прыгал в его руке. Но все равно – с такого расстояния не промахнуться. Виктор потянулся к своей «Беретте». Страх не было. Арутян нажал на разрядник. Едва слышный щелчок – и все. Бластер в мортале бесполезен.

Стоявший рядом водитель ударил Виктора кулаком в лицо. Портальщик мог бы увернуться. Он и хотел... но тело почему-то сделалось чужим, вялым, рука дернулась, но «Беретту» из кобуры он так и не успел вытащить...

Виктор грохнулся на землю и потерял сознание.

Очнулся он уже на сиденье вездехода, пристегнутый ремнем.

За вратами не пользуются адаптивными креслами и прочими новинками техники – здесь в ходу старые добрые ремни безопасности.

«Борис пристегнул», – мелькнула мысль.

Однако Виктор не чувствовал ни радости, ни благодарности. Голова была как будто набита ватой, мысли притупились. Виктор смотрел на свои руки. Не узнавал. Они сделались белыми, прозрачными. Ногти тоже стали белыми. И здорово отросли. Как у чудика. Виктор тронул волосы. Они доходили ему почти до плеч.

Ремень и кобура с «Береттой» исчезли.

«Арутян забрал», – сообразил Виктор.

«Эдик всех нас погубит...» – теперь он уже не сомневался.

Мысль не вызвала ни протеста, ни злобы. Комбат Васильев нарочно отобрал для экспедиции новичков-первогодков, из тех, кто почти ничего не знает про мортал. Для них это просто загадочный лес. Скажи им, что лес убивает, они презрительно отмахнутся. Убивают снайперы «синих» в погоне за новой зарубкой на прикладе, убивают фотонные гранаты. Мары убивают. А лес...

Виктора тянуло в сон, но он не мог забыться, видел и слышал, но как будто в бреду. Картинка расплывалась. Звуки то приближались, то отдалялись.

– Димаш, переодевай ее скорей! Воняет же! – понукал Савин.

– Стараюсь, – оправдывался Димаш. Возня на полу. Ругань полупшепотом. – Тут кровь и дерьмо, моча и дерьмо. Еще салфеток. Мои кончились. И «Дольфин». Помог бы кто!

– Трахнуть помог бы. Только раньше. Сейчас на эти мослы охотников нет, – ржал Савин.

Виктор очнулся.

Валюша лежала голая в проходе между сиденьями. Худая, жалкая, неживая уже какая-то. Димаш пытался хоть как-то привести ее в порядок. Одежду он уже снял и выбросил на дорогу. Теперь обтирал кожу влажными салфетками. Если смотреть со стороны, можно подумать, что это какое-то извращение. Борис отводил глаза. Савин презрительно фыркал.

«Они тоже чувствуют слабость, лес высасывает силы», – думал Виктор.

– Вот гадство, куда же она забрела, в какую хрень? – недоумевал Димаш.

– Надень ей на руку манжету с физраствором, – сказал Виктор. – Лучше две.

– Быстрее! – вопил Савин. – Воняет. Выброшу на фиг из вездехода. Ее! И тебя!

– Заткись, Савин! – приказал Борис. Но как-то вяло. Как будто говорить ему вовсе не хотелось.

– Сейчас, ребята, – суетился Димаш. – Я облил ее раствором. Теперь не пахнет. одеваю уже, – оправдывался он. И вдруг окрысился. – Это кто-то из вас обосрался!

– Сам в говне весь! – крикнул Савин. Но в голосе его было больше страха и бессилия, чем гнева.

Димаш рывком поднял Валюшу, усадил в кресло. Пристегнул.

Она что-то пробормотала. Кажется:

– Есть...

– Не давайте ей жрать! – вновь подал голос Савин. – Она уже блевала. Нет, не могу! Что за вонь?

– Точно-точно, воняет, – поддакнул Борис. – Не от вас ли, Виктор Павлович?

Виктор зачем-то пощупал штаны, потом полез в карман, вытащил банку с недоеденными консервами.

– Фу, мерзость! – отшатнулся Рузгин.

Консервы в банке сгнили, поросли голубоватым пушком плесени. Воняло от них отвратно.

– Я их ел полчаса назад, – сказал Виктор. – В мортале время бесится.

И тут вездеход взбрыкнул. Подбросил зад, как норовистая лошадь, встал вертикально. Почти. Впереди что-то трещало, грохотало, как будто огромный зверь вцепился зубами в кабину и крушил, мят аморфную сталь. Потом все стихло. Димаш, не успевший пристегнуться, скатился к кабине. Теперь он барахтался, пытаясь встать. Под ним неподвижно лежал крепенький паренек лет восемнадцати. Карл, кажется. Да, Карл Вильковский. Голова его была неестественно вывернута.

Потом вновь что-то затрещало, кузов стал медленно оседать, вновь принимая горизонтальное положение.

– Что это? – спросил дрожащими губами Борис.

– Не знаю. – Виктор отстегнул ремень, выбрался из кресла и нагнулся над лежащим возле стенки кабины пацаном.

Попробовал нащупать пульс на шее. Ничего. Тот был мертв.

Первым наружу выбрался Рузгин. За ним – Виктор. Кабины у вездехода больше не было. Ее сплющило огромным деревом, рухнувшим на машину.

Когда Рузгин подошел ближе, макушка лесного великана с треском обломилось, из ствола черным пеплом полетела труха.

Борис отскочил:

– Что за черт!

– Где-то рядом смертная ловушка, – сказал Виктор. Голос звучал ровно, почти равнодушно. Виктор уже не испытывал страха. Вообще ничего не испытывал: ни отвращения, ни злости. Ничего.

Эмоции сделались такими же вялыми, как и движения. Он где-то читал, что в блокаду Ленинграда люди могли стоять в очереди за хлебом и равнодушно наблюдать, как рушится дом, в который попала бомба. Никто не кидался бежать, никто даже не делал шага, чтобы выйти из очереди. Голод подчинял и притуплял все чувства. Не было ни сил, ни желаний. Пустота. И одна мысль – о хлебе.

Виктор потрянул головой. Стиснул зубы.

«Я не поддамся тебе, лес...»

Подожел к кабине. Ухватился за погнутый каркас. Перед глазами все плыло.

Мертвый водитель. Арутян, сидевший рядом, тоже мертв. Дерево рухнуло с той стороны, где сидел водитель, парня буквально расплющило. Арутяну потолком кабины сломало шею. Бронестекло в дверце раскололось от удара. Виктор встал на подножку, выломал осколки и просунул руку в кабину. Вытащить тело сил не хватило. Виктор повернул ручку дверцы изнутри. Она открылась. Виктор обыскал карманы бывшего начальника. Нашел упаковку пищевых таблеток, переполненный водой «Дольфин», наладонный комп, из которого текла зеленая жижа. Карты не было. Возможно, Арутян спрятал ее во внутренний карман... Виктор засунул руку под одежду мертвеца. Со стороны это выглядело отвратительно – он обыскивал тело, как мар. Карты в кармане не оказалось – лишь массивный серебряный портсигар. Хотя Виктор доподлинно знал, что Арутян не курил. Где же карта? Искать дольше не оставалось времени.

«Еще час-другой – всем конец, уходить, уходить», – повторял Виктор, как заклинание. Перебороть проклятую вялость! Иначе смерть.

Виктор просунулся еще дальше в кабину, снял с пояса водителя свою кобуру с «Береттой» и спрыгнул на землю.

– Я теперь старший по званию, – сказал не слишком уверенно Рузгин и с вызовом посмотрел на порталщика. Виктор тоже носил лейтенантские погоны.

Рузгин прослушал двухмесячный курс офицерской подготовки, и очень этим гордился.

Виктор не стал спорить. Не захотел. Начальствовать – не для него. Он всегда был слишком снисходителен. К себе и к другим. Неподходящая черта для командира.

– Если ты старший, – сказал, пристегивая кобуру, – то уводи людей из мортала. Как можно скорее.

Вновь раздался грохот: недалеко рухнуло еще одно огромное дерево.

– Деревья падают в зоне ловушки, – пояснил Виктор. – Так что дорога для нас впереди закрыта. Здесь мы можем сдохнуть за несколько часов. Или даже минут.

– Да я знаю, знаю, – закивал Рузгин, хотя вряд ли он знал что-то о мортале и ловушках.

– Карта есть? – спросил Виктор.

Хотелось сесть на камень и никуда не идти. Не двигаться. Закрыть глаза. Уснуть... Под ложечкой противно сосало. Иногда желудок пронизывала резкая боль. Мортал продолжал высасывать жизнь.

«Надо немедленно что-то съесть. Немедленно».

– Карта есть. – Рузгин достал из кармана планшетку. Из-под крышки сочилась зеленая слизь.

– Выброси! – Виктор вытащил из нагрудного кармана сложенную в несколько раз бумажную карту. Примитивную, условную. Пригодную для игры, а не для выживания. Главный тракт, зоны мортала, красное пятно – это территория «красных», синее – исходная зона противника. Прерывистая линия очерчивает

границу боевых действий. Ветхая бумага махрилась, распадалась по сгибам на части.

«Я состарюсь в мортале, явлюсь назад стариком с белой бородой. Аленка не узнает...»

Виктор развернул карту.

– Мы здесь, – Борис неуверенно ткнул пальцем в линию дороги.

Все вокруг закрашено фиолетовым. Мортал. На грани выживания. А впереди – черное пятно. Неизвестность. Видимо, в эту таинственную черную зону и ехал Эдик. Один вопрос – зачем? Даже осенью или весной, когда врата открываются, и весь смертный лес становится проходимым, в эту зоны стараются не соваться ни «синие», ни «красные». На что рассчитывал Эдик? На чудо? Кретин! Их спасло упавшее дерево.

– Сюда идти ближе. – Обведенный траурной каймой ноготь лейтенанта скользил по ветхой бумаге. – Дорога тут есть. Надо вернуться назад, к развилке, и свернуть. Нет, нельзя, выйдем в зону «синих».

– Ну и что?

– Как что? В плен возьмут.

– Здесь возьмут, за воротами выпустят, – пожал плечами Виктор. – Если повезет, мы встретим патруль эмпэшников. Те сразу направят нас на депортацию.

– Да как ты смеешь... – Рузгин вспыхнул, но гнев его тут же иссяк.

– Никуда больше мы выйти не сможем. Не успеем. Что лучше – выйти в зону «синих» или сдохнуть в мортале? Решай.

Рузгин пожевал губами, потер заросшую щетиной впалую щеку. Он брлся утром.

– Я чуял, что здесь подлянка, – Борис судорожно вздохнул. Очень похоже на всхлип. – Ну почему так, а? Зачем он нас сюда потащил?

– Вели всем перекусить, набить рюкзаки консервами и термопатронами, взять по паре «Дольфинов». Постоянно есть и пить. Понемногу. Идти, есть и пить. Запомнил? Чем быстрее выйдем из мортала, тем больше шансов, что не умрем. Аптечку и все манжеты с физраствором взять с собой.

Они отправились в путь. Восемь уцелевших. Валюша тоже шла, с трудом переставляя ноги. Держалась за руку Виктора, как ребенок. Когда Виктор уставал, Валюшу тащил Димаш. В мортале живых бросают только мары. Это закон завратного мира. Дикого мира.

5

Ну вот... кажется, можно подняться со стульчака. Прощай, приятель, я с тобой почти сроднился. Сколько времени он провел на этом пеноритовом сиденье?

Когда оголодавшие, похожие на скелеты люди добрались до блиндажа «синих», выдержка изменила всем. Напрасно Виктор кричал: «Есть понемногу!» Он и сам себя не слышал. Набросились на консервы – в блиндаже припасами были забиты все ящики и полки (компот из ананасов, анчоусы, лосось, тушеная говядина и свинина, фасоль). Сдерживаться было выше сил. Обожрались. Чуть не умерли, у всех начался жуткий понос. Из задних проходов лилась кровавая жижа. Удивительно, что умерла только Валюша. Впрочем, она была обречена. Всю дорогу держалась только на манжетах с физраствором. Но шла. Женщины выносливее мужчин. Любой мужик на ее месте давно бы окочурился. Она добралась таки до блиндажа. Лежала на пороге, целовала деревяшку, бормотала: «Спасены». И в первый же вечер съела три банки консервов. Виктор должен был ее остановить... он пытался... уговаривал... даже пробовал отнимать консервы. Она тут же хватала другую банку. Чертова снисходительность! Как бы он хотел быть жестким. Непреклонным. Стальным. Но не мог. Не умел.

Он и сам не устоял. Ел, пока не вырвало. Потом опять ел. Посмортальный синдром. Он слышал об этом. Но не мог представить, пока не испытал сам.

А ведь он держался. Долго держался. Даже тогда, когда все обожрались кониной, он сумел устоять. Но когда нашел анчоусы... Проклятые. Он их обожал.

Виктор направился к умывальнику. Внутри пластикового бачка установлен тройник-«Дольфин». Вода есть практически всегда. Хочешь – умывайся, хочешь – душ принимай. Только очень быстро. Вымыться не успеть, – лишь ополоснуться. Виктор вставил в приемное гнездо термopatрон. Пока он раздевается, вода успеет согреться. Мыться на улице в ноябре – не большое удовольствие. Но и грязным ходить противно. «Синие» здесь купались летом, вон стойка уцелела от кабинки. Панели кабинки «синие» почему-то убрали (с собой унесли, что ли? Новые жильцы блиндажа их так и не нашли), а консервы оставили. Странно. Здесь все странно.

Виктор подставил под струи воды тощее тело.

«Видела бы меня Аленка, испугалась бы!» – мысленно усмехнулся он, подпрыгивая под тепловатыми струями на белом квадратике пластикового настила.

Вода кончилась довольно быстро. Виктор сдернул с прибитого к сосне крюка сомнительной чистоты полотенце. Вытерся.

Интересно, где теперь прежние хозяева блиндажа? Погибли? Заблудились летом в мортале? Заранее отбыли к воротам, бросив припасы и даже оружие? Или наблюдатели велели им эвакуироваться?

«Нет, оружие они бы не бросили», – засомневался Виктор.

Надел майку и брюки, шагнул к соседнему дереву, где над сучком было укреплено крошечное зеркало – настоящее стекло с амальгамой, не электронная гляделка. Открытие врат возродило забытые ремесла. Изготовление стеклянных зеркал в том числе. Новый мир – старое ремесло...

В крошечном зеркале отражение целиком не помещалось. Только нос, или подбородок, или скула. Оно и лучше. Виктору не хотелось видеть собственное лицо целиком. Он знал, что выглядит ужасно. Кожа обветрилась, возле глаз гусиными лапками проступили морщины. Теперь казалось, что Виктор постоянно усмехается. Зато волосы отросли и кудрями спускались на плечи. За эти темные

волосы, нос с горбинкой и язвительную улыбку Виктора прозвали Французом. Он и в самом деле наполовину француз. Его отец, Поль Ланьер, погиб на последней настоящей войне. Рядовой Поль Ланьер. Виктор никогда его не видел. Только голограмму. На голограмме Полю двадцать лет. Мальчишка...

Волосы грязны до невозможности. Но если вымыть...

«Аленке бы понравилось», – усмехнулся Виктор.

В последние дни он все время думал о своей любе. Как там она? Сходит с ума, наверное. Ведь он обещал вернуться в сентябре. Многие порталыщики выходят первого сентября, в день открытия врат. Едва пройдут контроль, мчатся к инфокабинам.

«Сенсация», – орут.

Их жены и невесты ждут за кольцом охраны.

Возможно, Аленка тоже ждала. Не дождалась.

Из-под бритвы брызнула кровь. Черт! Опять порезался. Бритву он купил по эту сторону врат. Но так и не научился бриться.

Скорее бы назад, за врата! Где есть горячая ванна... (О-о!!!), где ждет Аленка, и где по утрам электронная бритва скользит по лицу, приятно щекоча кожу.

6

Слабый ветерок разносил пороховой дым. Борис уже не стрелял. Сидел на валуне, угнездив между армейскими ботинками автомат. Виктор остановился перед ним.

– Ну, что скажешь, Виктор Павлович? – мрачно спросил Борис, проводя ладонью по отросшим волосам.

Перевернутая каска лежала на земле. В ней – крошечные крепенькие грузди. Борис – заядлый грибник. Половину термопатронов из блиндажа извел на сушку грибов. Грибы здесь попадались удивительные. Особенно хороши белые: ножки грушами, шляпки ровные, коричневые, без изъяна. Такие бы на видеокартину прямиком. Ноябрь месяц, а белые все прут. Чудеса! Собирай хоть ведрами. Только надо знать, где собирать грибы. К примеру, рядом с блиндажом на косогоре грибов нет, а чуть отойдешь на соседний холм, где густеет ельник, там грибы ковром стелятся. Такое диво! Виктор две инфашки перевел на запись. Знал, что глупо, а все равно снимал. Если в мортале грибы попадают, их брать нельзя. Там они всегда огромные, блеклые, на ощупь резиновые. Только срежешь, гриб сразу гниет, чернеет и на куски разваливается.

Когда они выбрались из мортала, весь первый день собирали грибы, нанизывали на ветки и жарили на костре, благо Виктор (сам он мысленно себя благодарил за сообразительность), прихватил с собой два вечных кремня и (вы не поверите) несколько пакетиков соли. К счастью, съеденные в первый день грибы они тут же выблевали. Только Савин не блевал. Так он помер к утру. Не отравился, нет. Желудок после длительной голодовки не выдержал.

Лейтенанту Борису Рузгину двадцать два. Виктору Ланьеру – тридцать пять. Почти старик рядом с этим мальчишкой. Да и внешность у Борьки... Ребенок, только очень большой: светлые волосы, торчащие во все стороны, нос курносый, скуластое лицо, румянец во всю щеку. Вернее, румянец был прежде, а теперь, после мортала, кожа сделалась пепельной, щеки запали. Но все равно – типичный бакалавр, мечтающий стать магистром. С Борисом Ланьер познакомился по ту сторону врат, на медицинском инструктаже. Борис стеснялся. Улыбался через силу.

Пожал Виктору руку и сказал:

– Это очень важно. Мне надо туда идти. А вы? Наверное, не в первый раз.

– Впервые. Я – порталщик. Виктор Ланьер.

– «Дельта-нюз?» – Борис в восторге стиснул руку Виктора. Опять смутился. – Я только вашу программу и смотрю! А то гляжу... лицо знакомое. Вы мне – как друг. То есть... – опять смутился. – Без всяких «как». Я благодаря вам кое-что в жизни стал понимать.

«Если бы я хоть что-то понимал в жизни!» – усмехнулся в ответ Ланьер. Мысленно, разумеется.

Молоденькая врачиха-лекторша демонстрировала голограмму человека, которому осколок угодил в живот. Со всей наглядностью, на которую способен проектор.

«А какой у вас номер коммика?» – наперебой интересовались лейтенанты, не обращая внимания на выпавшие из живота жгуты голограммных внутренностей. Лекторша строго хмурила брови и осуждающе качала головой. Все это игра: и медицинский инструктаж, и двухмесячные лейтенантские курсы. Большую часть времени они сидели за тренажерами-компьютерами. То есть развлекались играми-стратегиями. Я за «красных», ты за «синих». Голограммы солдат, своих и вражеских, носились по комнате, у которой уже не было стен, грохотали выстрелы, вспыхивали лазерные разряды. «Ты убит!» – вновь и вновь полыхала алая надпись. Пару раз им позволили пострелять из муляжа «Гарина», один раз показали, как разбирать УЗИ, опять же муляж. Настоящее оружие выдают в охранной зоне, перед тем, как пройти врата. Там же по возвращении оружие конфискуют. Если, конечно, ты не бросишь его за вратами. За потерю личного оружия придется вносить компенсацию. Так что лучше брать старые, проверенные и недорогие образцы – «Гарин», УЗИ, «Калашников». Но молодняку подавай что-то фантастическое. Агенты так и суется у врат. «Возьмите новую марку, господин стрелок! Аренда дешевле, чем у „Гарина“! Представьте отчет о тестировании – десять процентов скидки!» Скидка! Как только молодой охламон слышит это слово, тут же хватает здоровенную железяку, из которой во все стороны торчат усики и рожки непонятного назначения, и орет в восторге «О?Кэй»! Железяку он теряет в первом же бою, или топит в болоте, или меняет на легонький автомат. И только перед вратами вспоминает, какую сумму ему придется теперь выплатить за потерянный опытный образец.

По закону (пункт десятый «Кодекса врат») каждый батальон снабжается одинаково. На самом деле все не так. Ловкий командир умудряется получить больше боеприпасов и больше вездеходов. Кто-то укомплектовывается ветеранами, а кому-то достаются одни новички. Интенданты приторговывают продовольствием. Эвакогоспитали – спиртом.

Кому-то, чтобы набить брюхо, приходится собирать грибы.

– Жаль, засолить нельзя... – вздохнул Борис.

«Зачем Борька прошел врата? – удивился Виктор. – Чтобы грибов набрать? Или набраться впечатлений?»

А он сам?.. Тут следовало изобразить саркастическую гримасу.

«Я в самом деле старший, если не по званию, то по возрасту, – напомнил себе порталщик. – Я должен вывести ребята из этого треклятого мира».

– От Васи нет известий?

Борис отрицательно мотнул головой:

– Коммик молчит, зараза...

– Есть версия... – Виктор помолчал. – Наш батальон уже за вратами.

– Вася нас не бросит! – взвился Рузгин. – Такое невозможно!

– Еще как возможно!

Виктор не стал рассказывать лейтенанту, что на самом деле Васильев продал Рузгина с прочим молодняком Арутяну. Противно считать себя товаром. Они вместе вырвались из мортала – зачем же Рузгина унижать? Пускай Борька старательно изображает из себя командира. Пускай...

– Может быть, башню диверы повалили... связь потому и не работает. Или аномалия какая... вырубает всю электронику, как летом.

– Часы-то включились, – напомнил Ланьер.

Пока врата закрыты, электроника барахлит. Часы останавливаются; если у кого чип вживленный, чип отрубается. Вообще-то настоятельно рекомендовано не ходить за врата с имплантами: бывали и смертельные случаи. Временный паралич случается сплошь и рядом.

Богатеи берут с собой механические часы. Обычный компас. Бинокли с цейсовской оптикой. У маров это – первый товар.

Ланьер купил перед уходом за врата компас. А к часам и биноклю только приценился.

– Надо сваливать, – сказал Виктор вслух. – Сегодня. Наши давно ушли. Сидеть здесь и ждать помощи глупо.

Борис остервенело провел ладонью по волосам.

– Голова дико зудит. Шампунь есть?

– Кончился.

– А мыло?

– Оставалось два куска. Тебе хватит. Уходим?

Рузгин прищурился, посмотрел на блеклое осеннее небо.

– У нас еще два дня.

– Нет никаких двух дней. Времени впритык. Эмпэшники сейчас остались только на главном тракте, да и то не дальше перевала Ганнибала. Когда идут последние, мары слетаются к дорогам и рвут всех подряд. Выйдем завтра – не успеем.

Если бы не то путешествие через мортал, они бы дошли и за два дня. А так... восстановиться не успели. У Димаша, к примеру, отек голени до сих пор не прошел. Когда консервы кончились, он пил в том проклятом лесу непрерывно. Да и когда вышли, никто их не ждал, жидкой каши не приготовил. Ели клюкву, траву, грибы. Охотились, но все неудачно. Олени убегали, не подпускали на выстрел. То ли они уже боялись людей, то ли чуяли некий дух мортала. Все патроны извели, а подстрелили... смех... одну утку... да и от той ничего не осталось. Одни ошметки и окровавленные перья. Потом им повезло: нашли брошенную палатку и в ней – несколько пакетов сухарей. Сухари поделили

поровну на четверых. К тому времени их осталось только четверо. Шли и сосали сухари, как леденцы. Через несколько дней животные перестали их опасаться, но что толку? Патронов не осталось. Руками зайца не поймает. С ножом на медведя не пойдешь. Медведь им повстречался однажды: рылся в мусорной куче и к людям не проявил никакого интереса. Они обошли зверя стороной. Очень медленно. На полусогнутых. Колени дрожали.

– Все из-за Эдика твоего. Из-за его дурацкой экспедиции! – воскликнул Борис. Сам понимал – глупо винить покойного. Но удержаться не мог.

– Он умер, – напомнил Виктор.

– Что вы там забыли? Сокровища? Клад?

– Не знаю.

– А Валгалла? Ты говорил о какой-то Валгалле. Что это?

– Не знаю, – повторил Виктор. Он в самом деле не знал. – Только название слышал.

– Вот как? Тогда почему мы полезли в этот идиотский лес?

Сколько раз они начинали этот разговор? Десять? Двадцать? Виктор сбился со счета. И, главное, зачем все это обсуждать? Эдик не сказал, куда идут и зачем. Виктор знал только, что пойдут через мортал. Но мортал морталу – рознь. Есть зоны, по которым и летом можно разгуливать без опаски. Не задерживаться, не ночевать. Мчаться. Но не через ловушки. Это – смерть. Экспедиция Арутяна была авантюрой. Безумством. Или здешний мир свел его с ума? После чего он без страха полез в мортал и других повел. На смерть. То он трус до посинения, то герой до безумства.

Таким, как Эдик, лучше не соваться в завратный мир.

Спору нет, почти каждому время от времени нужно испытывать острые чувства, но кому-то хочется ощутить не только выброс адреналина в кровь, но и что значит – распоряжаться чужой жизнью. И эту жизнь прервать.

Тут часто повторяли: «Настоящий мужчина хоть раз в жизни проходит врата...» – «Лучше дважды, потому что назад хочется вернуться», – обычно приговаривал Виктор.

Говорят, кто побывал за вратами, непременно возвращается в Дикий мир. В Диком мире бытует легенда: один стрелок миновал врата тридцать раз туда и обратно. На тридцать первый не вернулся. Теперь он ходит по лесу, всегда один, ему безразлично, мортал это или обычная поросль. Старик в белом балахоне с котомкой за плечами. В узловатых руках белый посох. На кого направит посох – тот умирает. Сказки это? Или в самом деле так?

– Я пошел с Эдиком, чтобы вас вытащить. – Это только в Голливудских бибишках порталышки умирают в погоне за сенсашкой.

– Тебе не нравятся блокбастеры? – обиделся за любимые головидео Борис.

– Напротив. Обожаю сказки.

– А если я не отдам приказ сегодня уходить?

– Тогда будем зимовать в деревне пасиков, – пожал плечами Виктор. – Припасы там, кажется, имеются. Главное, соль у нас еще осталась. Грибов наберем, засолим. Лося завалим. Если повезет. Я, признаться, пока только в зайца попал. Клюкву будем собирать и сражаться с марами. Нормально. Расскажу о наших приключениях следующей осенью в портале.

Борис скорчил яростную гримасу.

– Умеее же вы все так... – Он проглотил последнее слово. – Ладно, уговорил. Сегодня уходим. После полудня. Перекусим на дорогу – и вперед. Сейчас отправляйтесь с Димашем в деревню, ищите термопатроны. Пищевые таблетки. И обеззаражку. Наверняка еще должно быть. В полдень – выступаем.

Почему Борис все еще изображает командира, а Виктор ему подыгрывает? Мальчишка совершенно беспомощен. Все решения принимает Ланьер. Идиотизм – сидеть здесь до последнего в надежде, что Вася придет за ними машину. Рузгин был почему-то уверен, что придет.

Наверное, они все еще держались за знаки отличия и звания, чтобы не превратиться в маров. Как только стрелок сбрасывает форму, он становится маром. Это закон завратного мира. Поэтому всеми силами до самых врат стрелки соблюдают субординацию. Или хотя бы стараются соблюдать.

– По-моему, не стоит тратить время на деревню, – заметил Виктор. – Консервов в блиндаже много, люминофоров тоже хватает. Термопатроны почти кончились. Но это не страшно. Возьмем спальники, палатку. Дойдем. Лишние пару часов сэкономим. У меня мерзкое предчувствие насчет этой деревни.

– Я все еще командир, – напомнил Рузгин. Правда, не очень уверенно. – На ваши капризы обращать внимания не намерен.

О, как старательно он изображал строгость! Так и хотелось запечатлеть его физиономию на видашку. Виктору вспомнилось, как в начале лета в ложбине они столкнулись с зайчиком. Стали, как два идиота, палить по малышу. Еще Валюшка была с ними. Так она бегала и кричала, чтобы прекратили изуверство. Два раза чуть под выстрелы не угодила. Заяц прыгал, метался, но почему-то в кусты вверх по склону не убегал. Вдруг сел. Весь дрожит, бедняга. Ухо ему пулей оцарапало, кровь потекла. Виктор схватил малыша на руки. Рузгин достал из аптечки спрей-антисептик и зайчонку ухо опрыскал. Отпустили. Сейчас наверняка здоровущий вымахал. Зайцы тут килограммов по восемь-десять. Суп бы из такого сварить.

– Хорошо, пусть это будет каприз. Или даже лень. Но знаете, сколько пользы истекает от лени? – пытался настоять на своем Виктор.

– Идите! – огрызнулся Борис. – Желаю удачи.

– Есть, командир! – вытянулся в струнку Виктор.

Борис махнул рукой:

– Извините, Виктор Павлович. Ладно, в самом деле, хватит в войну играть. Я пока патроны припрячу. Те, что с собой не возьмем. У вас бластер как? – и Борис, и Димаш обращались к Виктору исключительно на «вы».

– Три выстрела. Может, и на четвертый хватит.

– Маловато. Придется вам автомат прихватить. Ну, давайте, бегом в деревню.

– Без завтрака не пойду, – взбунтовался Виктор.

– Так Димаш наверняка уже кофе сварил. Я отсюда чую.

«Игра в войну, безумная игра, – думал Виктор, шагая к блиндажу. – Жестокая».

В морозильнике около врат за лето обычно скапливается сотен пять трупов. Иногда и больше. Когда врата открываются, первыми на ту сторону вслед за порталщиками отправляют черные мешки с телами погибших.

«Завратный сюрприз», – именуют такие грузы порталщики.

Сам Виктор никогда эту шутку не повторял в новостных программах «Дельта-ньюз». Считал дурным тоном. Впрочем, он на многое смотрел не так, как другие. Его раздражало то, что прочим нравилось. Он анализировал – они искали оправданий. Его не любили и не понимали. Гремучка то возносил его до небес, то грозил уволить. Виктор относился к угрозам и к похвалам равнодушно.

«Ты выведешь ребят из Дикого мира, – вновь мысленно отдал себе приказ Ланьер. – Они не умрут».

Они в самом деле были для него ребятами, детьми, которые заслуживают снисхождения, как любые дети. Дети, которые пришли в этот мир убивать.

Виктор вспомнил день, когда они похоронили Валюшку. Закопали тело в ложбине за косогором. Там земля рыхлая. Накидали сверху лапника, поставили крест. Виктор сел на камень. Смотрел на невысокий холмик. Валюшка была обречена. Но Виктор вел ее через мортал. Сначала вел, потом сделал из куртки волокушу и тащил. Он лучше других сопротивлялся морталу. У мальчишек силы таяли, а Виктор достиг какого-то предела и остановился. Савин, к примеру, каждый час кидался на землю и вопил: «Не могу больше, не могу». У Савина шла носом кровь, ноги превратились в сплошные раны. Он то ел непрерывно, то забывал хоть изредка перекусить. Борис поднимал Савина и гнал вперед

пинками. Виктор думал, что первым не выдержит именно Савин. Но первым умер здоровяк Ласло. Зашатался и рухнул на серую землю. Мертвый.

Борис смотрел на свежую могилу и плакал. Размазывал слезы перепачканными в земле руками, на щеках оставались грязные разводы.

– Мы бы все погибли, если бы не вы, Виктор Павлович.

– Ерунда, вы бы с Димашем сами вышли...

– Нет, мы бы назад поперлись. Или вперед.

Вперед? Что бы было, если бы они прорвались через ловушку? Попали бы в таинственную Валгаллу?

– Ну почему вы, порталышки, не расскажете, как тут страшно? Почему не остановите? – Борис все повышал голос. Он уже кричал. – Расскажите правду! Остановите! Здесь же кровь! Смерть! Убийство! Подлость! Ну скажите... скажите...

– Да говорили уже, сотни раз, – устало махнул рукой Виктор. – Помнишь репортаж о резне в Амиде? Нет? Вот видишь! Стоило бы поглядеть, прежде чем сюда соваться. Кто хочет, тот знает. Но все равно идут. Вот ты – почему здесь?

– Я не могу сказать, – Борис жалобно всхлипнул.

Кажется, он надеялся, что Виктор Ланьер начнет его расспрашивать. Но Виктор промолчал.

Лейтенант Рузгин не ошибся: Димаш уже все приготовил. Кофе сварил, хлеб гидрировал, и на каждого по банке с мясом разогрел. Бумажные тарелочки расставил на ящике из-под парализующих гранат. В пустой банке лежали

жареные грибы с лучком и майонезом. Лук они еще в первые дни накопили в деревне на грядках пасиков. По части готовки Димаш – не простой кашевар, а чужодей, колдун. Недавно суп из грибов сварил такой, что все трое обожрались до совершенного безобразия. Долго потом ворочались в спальниках без сна. Чтобы хоть как-то сладить с неимоверной тяжестью в желудке, тайком крались к огромной кастрюле, принесенной из деревни, черпали остывшее варево и не могли остановиться. После того замечательного супа у всех троих возобновился чертов понос.

Услышав приказ Бориса, рядовой Димаш подпрыгнул от радости.

– Давно бы так!

Борис вздохнул. Если бы вышли они вместе с батальоном, то почти наверняка Рузгин мог рассчитывать на присвоение нового звания. А так... Как пришел он лейтенантом в этот мир, так лейтенантом и уйдет.

– Люминофоры брать? Помнится, в тайник мы сложили массу люминофоров. – На той стороне Димаш заведовал складом. Прятать, перепрятывать, создавать ячейки хранения было его страстью. Запасливость – хомячья. Прежде и щеки были под стать – теперь запали.

– Бери. Чем больше, тем лучше, – кивнул Рузгин. Пусть Димаш тащит люминофоры, а то прихватит что-то совсем непригодное. Его не остановить.

– Говорят, у ворот почти не стреляют. Там всегда дежурят эмпэшники.

– У ворот – да. Но до ворот еще дойти надо, – уточнил Виктор. – Хорошо, если перемирие успели заключить, тогда пальбы не будет. А если нет... Наблюдателям и эмпэшникам не всегда удастся навести порядок.

Про ворота и обычаи этой стороны он знал куда больше остальных – все-таки порталщик. Но пусть он знал, что должен увидеть – все равно, увидев, был потрясен. Ему даже казалось, что Димашу и Рузгину проще. Хотя они тоже в первый раз прошли через врата.

– Военная полиция будет держать охрану до последнего вечера. Но в десять они уйдут. До полуночи у ворот давка, паника. Все зависит от того, сколько патронов у кого осталось, – Виктор пересказывал ребятам худший сценарий возвращения за врата. – Лучше бы нам проскочить пораньше.

В этот раз Димаш не стал рассиживаться за импровизированным столом. Запихал в рот бутерброд с паштетом, залпом выпил кофе и выскочил из блиндажа. Виктор последовал за ним. Хотя и не так спешно.

– Француз... То есть извините, Виктор Павлович... – Димаш, помня о разнице в возрасте и в положении, относился к порталщику уважительно. – А правда, что мары зимой совершенно звереют, и трупы едят?

– Правда, – подтвердил Ланьер.

Он сам видел немало голограмм с изуродованными телами. Но обглоданные трупы никогда не показывают в новостях. Негласное соглашение порталщиков.

– Правду говорят, что человечина сладкая?

– Извини, не пробовал.

– Ну, может, слышали?

– Я много чего слышал, Димаш. Но это не значит, что я должен тебе все рассказывать.

Деревня пасиков располагалась в низине. Если смотреть отсюда, с поросшего чахлым лесом холма, она казалась игрушечной. Белые аккуратные домики, оранжевые черепичные крыши. Кажется – спустишься в деревню, а там на пороге тебя встречают детки, девушки, довольные мамыши.

Ни хрена там нет. Никого. Два крайних дома сожжены дотла. В остальных выбиты окна, сорваны двери. Деревню грабили несколько раз. К тому времени, как Рузгин и двое его подчиненных добрались до этого холма, деревня уже опустела. За все время – а сидели они здесь с сентября – в низине дважды появлялись мары. В первый раз их было трое, они набили в деревне полные мешки всем, что попадется, и ушли. Димаш тогда почти не мог ходить. Борис походил на призрак. Виктор равнодушно смотрел, как мары уходят.

«Вернутся, непременно вернутся», – решил он тогда.

Мары вернулись через неделю. С тележкой. Трое друзей (Валюши уже не было в живых) к тому времени немного оклемались. Рузгин велел вооружиться только бластерами и идти в деревню. Мародеры не подозревали об опасности, стаскивали награбленное в один двор. Потом привязали к дереву сделанный из тряпок манекен и принялись палить. По знаку Рузгина три лазерных луча пресекли веселье. Трупы маров зарыли на огороде, из награбленного взяли банки с консервами, а остальное спрятали в тайник. Там было штук двадцать термопатронов и три упаковки люминофоров.

Именно к этому тайнику теперь шли Виктор с Димашем.

Миновали голубую будочку уличного туалета, застывшую у самого подножия холма. Пытались притащить из деревни к блиндажу – их несвершенный подвиг на ниве гигиены. Значит, уже половину дороги до деревни прошли.

– Если честно, самым интересным был тот, первый бой, – признался Димаш. – Когда мы выбили «синих» за перевал. Потом пошла какая-то бурда... Передислокация, марш-броски. Своих сколько раз обстреливали! Кретинизм какой-то. Неужели все нельзя распланировать? Так ведь, Виктор Павлович?

Виктор пожал плечами.

Он честно говоря, плохо представлял, что на этой стороне можно назвать словом «интересно». Гору трупов? Чье-то изувеченное тело? Взрыв фотонной гранаты? Все это он видел.

Гора трупов была, правда, невелика. Семнадцать тел, обугленных, в обгоревших лохмотьях. Около «горы» стоял парламентар «синих» с грязноватой белой

тряпкой в руках и ругался с майором «красных». Рядом представитель наблюдателей что-то записывал ручкой в измызганный блокнот. Было жарко, парламентар то и дело отирал белой тряпкой лоб. Два санитар в накидках с красными крестами на груди и на спине сидели на подножке медицинской машины и курили. Рядом на земле лежала стопка черных блестящих мешков для трупов. Когда Виктор принялся снимать на видашник машину, парламентар и погибших, один из санитаров кинулся на него, потрясая кулаками и ругаясь. Хотел отнять камеру. От санитаря помог отбиться Димаш. Отступив, Виктор показал санитару значок с голограммой портала «Дельта-ньюз». Но значок привел санитаря в еще большую ярость.

Мир

Глава 2

1

– Яркость, мсье Ланьер, яркость прежде всего, – любил повторять шеф, дружески похлопывая Виктора по плечу. Шеф любил менять личины, бывал то строг, то снисходителен – как повезет. Сегодня с утра начальник лучился улыбкой, значит, работой остался доволен. Но добродушие это обманчиво: если внезапно что-то пойдет не так, набросится на первого встречного без всякой причины с яростью волка. Хватка у него была мертвая, а язык злой, недаром подчиненные прозвали главу «Дельта-ньюз» «Гремучкой». – На той стороне многие бывали, да что толку! Порталят все одно и то же! В зубах навязло. Ты расскажешь по-особенному, у тебя, дружище, получится. Твоя ирония, твой острый взгляд – это дар. Главное – без бабских соплей и без юношеского восторга. Видашки тащи – чем больше, тем лучше. Видашки чтоб подлинные, а не монтировки со студии. Я в тебя верю, Палыч. Не подведи.

Они сидели в кабинете главного: Гремучка спиной к панорамному окну, а Виктор расположился в кресле лицом к городу с высоты птичьего полета, через стекло созерцая вечный укор их лени и неуспеху, грандиозные башни – обиталища

конкурентов, офисы «Глобал-ньюз» и «Панорамы». Одна башня приземистая, похожая на средневековую пороховую, толстая, бочкообразная, синим отсвечивали окна, синими казались перекрытия из аморфной стали. Ее прозвали «толстой Маргаритой», но чаще именовали «синей Маргаритой». Вторая башня, серебристая, тонкой иглой пронзала небо, сокращенно от «Панорамы» ее именовали рамой.

– Да ты не хмурься! – усмехался Гремучка. – Хоть раз в жизни настоящий мужчина должен повоевать. Еще спасибо мне скажешь, что я тебя за ворота посылаю. «На войне человек снова становится человеком, у него есть шанс отличиться», – процитировал он Эриха Фромма и глянул искоса – ну как, произвело впечатление?

– Да? Спасибо скажу? Надо же! Что ж ты сам после универа с миротворцами в Африку не поехал?

– Миротворцы – это фигня, для слабаков. За воротами – там настоящее, – тут же нашелся, что ответить, шеф. – Если постараться, мы будем сидеть вон в той башне. – Гремучка ткнул пальцем через плечо в направлении «Маргариты».

– Если я очень сильно постараюсь, то мне понадобится совсем крошечная башенка в нашем колумбарии, – заметил Виктор Ланьер.

– Не волнуйся, если тебе повезет, и тело притащат на эту сторону, похороны за счет заведения, так что по этому поводу не переживай. Зайдем в бар?

– Нет, – покачал головой Виктор. – Не получится. Надо сегодня заглянуть в банк генов, сдать сперму на хранение. Кстати, проштампуй мне командировку. Для идущих за ворота порталщиков, медиков и полицейских скидка двадцать процентов.

– Ты серьезно? – хмыкнул Гремучка.

– Думаю, насчет скидки обманут. Скажут, для всех, кроме порталщиков.

– Алена попросила? Будет рожать без тебя?

– Нет, Алена на подвиги не способна. Мама настаивает. Если не вернусь, она закажет внука. Страховки как раз хватит.

– Страховку выплатят только через пять лет.

– Да, если труп останется на той стороне. Но знаешь, я заметил, мне везет минимум наполовину. Если меня убьют, то труп не потеряют – это точно.

– А если не убьют? Что, согласно твоей теории, произойдет в этом случае?

Виктор прищурился, глядя на приземистую синюю башню.

– Нас пригласят в «Толстую Маргариту». Поглядеть, как кому-то другому вручают «Левушку».

Так на своем жаргоне порталышки называли премию имени Льва Толстого. Переписанный, сокращенный, прилизанный, роман «Война И МПР» вновь стал популярен в мире, где не было больше войны, а были только врата для жаждущих крови и смерти.

– А ты шутник! – погрозил ему пальцем Гремучка.

2

«Дурацкий разговор, – думал Виктор, выходя из кабинета. – О самом главном так и не поговорили. И он ни словом не обмолвился про Валгаллу. Почему?»

Все время, пока они с Гремучкой обменивались плоскими шутками, достойными порталной секции третьего ряда, у Виктора на кончике языка вертелось два вопроса. Первый: «Почему за врата со мной идет Эдик Арутян?» И второй: «Что Гремучке известно о Валгалле?»

Никто не спорит: как менеджер, Эдик в «Дельта-ньюз» незаменим, он может заключить контракт с самим сатаной, заставить сотрудников работать почти

бесплатно, найти дешевого и очень хорошего адвоката, если обиженные граждане подают на портал в суд. Но что делать за воротами этому сугубо цивилизованному человеку? Почему группу (их двое, но все равно – группа, не называть же их парочкой) возглавляет Эдик, который за всю свою работу на «Дельте-ньюз» ни одного самого крошечного репортажа не сделал? Не говоря о том, что именно Виктор освещал операции миротворцев из года в год. В последний раз довелось увязнуть на четыре месяца в Анголе. Там было жарко в прямом и переносном смысле слова.

Эдик жил в виртуальном мире, где все подвластно тебе одному, неудачи можно на другой день исправить, неуютное – стереть. «Король сети», – именовал себя Эдик. «Голый – как любой сетевой король», – мог добавить Ланьер, да и бросал за глаза порой. Сеть любому (или почти любому) давала иллюзию могущества, но Арутян воображал себя воистину всемогущим. Сражение мнилось ему обычной игрой: не прошел уровень сегодня – выиграешь завтра. Не дрейфь, прояви сообразительность и напор. Враги – это голограммы, они распадутся на пиксели при первом удачном выстреле и обрызгают кровью фальшивую землю завратного мира.

Свои файлы Эдик трижды защищал не только от посторонних глаз, но и от собственных сотрудников, поживиться его информацией не удавалось никому. Даже Виктор не имел доступа к файлам Арутяна, так что про Валгаллу Ланьер слышал от других.

Виктор явился в тот день на работу раньше обычного. Проходя в свой кабинет, услышал голоса. Удивился. Похоже, Гремучка уже пожаловал в офис, хотя в другие дни приходил не раньше двенадцати, демонстративно сибаритствуя. Виктор, повинувшись внезапному наитию, шагнул в закуток секретарши и сел в кресло. Теперь, чтобы заметить его, надо было не просто заглянуть мимоходом в дверь, а войти в комнатку. В этот момент дверь в кабинет Гремучки распахнулась.

– А если вы ошибаетесь, полковник? – спросил у невидимого собеседника шеф.

– Я вам говорю, это не выдумка, Валгалла существует. Карта, что я вам дал – единственная. Главное, предупредите людей, что там вокруг смертельный лес.

Знакомый голос, старческий, скрипучий. Где-то Виктор уже его слышал этот. Сегодня? Вчера? В сети? Когда же?

– Мой человек пройдет где угодно, – похвастался Гремучка.

– Вам непременно поверят, а меня «стражи» врат сторонятся, как чумного, любое мое слово объявят выдумкой или злобной клеветой.

– Вы им немало досадили.

– Сами посудите, мы открыли новый мир, чудесный мир, и вместо того...

– Полковник, – бесцеремонно прервал старика Гремучка. – Мы знаем наизусть вашу программную речь.

Ну конечно! Полковник Скотт! – догадался, наконец, Виктор. Кошмар всех управляющих вратами. Виктор встречался с ним однажды у Сироткина. Разговор вышел коротким, но весьма эмоциональным.

Полковник получил свой чин не за игры на природе на другой стороне, как большинство нынешних фиктивных офицеров, не за миротворческие операции, как спецслужбисты в мире вечного мира, а на той далекой, настоящей войне.

Теперь Скотт возглавлял один из общественных комитетов, который пытался (пока совершенно безуспешно) контролировать врата. Полковника многие недолюбливали, а у «завратных» генералов (и у капитанов, порой, тоже), от ярости наливались кровью лица, при одном звуке его голоса. Кое-кто из них даже пытался поставить под сомнение военные заслуги Скотта, в Сети писали, что, мол, и не воевал он вовсе, а если и воевал, то не был героем, а если и совершил что-то там такое, то совершенно случайно. Скотт относился к этим выпадам со стоическим равнодушием.

«Я не герой, – соглашался Скотт, – герои те, кто погиб».

– Кто пойдет за врата? – спросил полковник.

– Эдик Арутян, он первый узнал про Валгаллу.

– Один не справится, необходим еще кто-то дельный. Вторым должен быть Виктор Ланьер. Это ведь он делал репортаж о миротворцах. Так?

– Да, что-то такое делал. Но миротворцы – это фигня. Не сравнить с завратным миром.

– Можете послать Ланьера?

– Пожалуй. Ему давно пора проветриться, а то его программки сделались пресными.

– Пусть ваши люди будут осторожны. Два моих человека в прошлом году не вернулись. С морталом не шутят.

«Интересно, куда эти двое меня посылают, в какое болото?» – мысленно задал себе вопрос Ланьер.

Но вслух не спросил. И тогда промолчал, и сейчас в разговоре с Гремучкой не заикнулся. Потому что знал: Гремучка не ответит. Раз шеф ничего не сказал сам, не посвятил, не удостоил, значит, придется тебе, Виктор Ланьер, и дальше изображать идиота.

3

Как у всякого уважающего себя порталщика, у Ланьера были знакомства в Мировом правительстве, не на самом верху, разумеется, а среди клерков среднего звена, из тех, кто решения не принимает, но почву для них готовит. К примеру, он знал (и вроде бы неплохо) Сашку Вязькова, из комитета по безопасности врат. Работников комитета именовали «стражами». На самом деле они не носили оружия и не стояли в карауле, а были самыми обычными бюрократами. С Вязьковым Виктор познакомился после возвращения из Анголы – с документами возникли проблемы. Тогда «комитет врат» курировал еще и миротворцев, теперь бюрократический организм разросся, и у миротворцев появились свои пастухи. Виктору Вязьков понравился умением видеть гораздо дальше своего кабинета в Брюсселе, и если Виктор о чем-то просил Вязькова,

тот никогда не отказывал. К тому же его информация всегда (или почти всегда) оказывалась достоверной. Другое дело, что Сашка не всегда готов был информацией делиться. Имелся еще один плюс в их общении: у всех сотрудников безопасности врат имелся полностью защищенный канал связи (или им казалось, что полностью).

– Нужна информация? – спросил Сашка, едва услышал голос старого друга в коммике. – Что на этот раз? Миротворцы? Фальшивые комбраслеты? Контроль над эмоциями? Служба коррекции психики? – Вязьков безошибочно назвал все «горячие» темы.

Он был всегда в курсе, во всё посвящен, и ему нравилось слыть компетентным.

– Валгалла, – только и сказал Виктор.

– Что? Мечтаешь о рае для военных? – расхохотался Вязьков. – Не ожидал! Впрочем, мы давно не виделись. Тебе пора в Париж. Лети.

И отключился.

«Неужели так серьезно?» – подивился Ланьер.

4

Одни обожали этот космополитический город, ассимилирующий любую культуру, любое наречие, другие – ненавидели. Нынешней весной (довольно прохладной, с дождями) в Париже Виктору показалось неуютно. Над узкими улицами раскрылись прозрачные навесы, и теперь всюду слышался drobный шум капель и журчание воды в водостоках. Ярко-желтые или ярко-синие электромобильчики сновали взад-вперед, как будто боялись выехать на широкие улицы или площади, отданные во власть водной стихии. Пахло цветами, красками, немного пряностями. Но в запахах не было свежести – так пахнут вещи, долго пролежавшие в шкафу.

Виктор заглянул в первый попавшийся магазинчик. На витрину даже не посмотрел, наугад толкнул дверь, будто играл в рулетку. Оказалось – сувенирная лавка, здесь торговали серебром под старину. Цены невысокие, вещицы попадались красивые, сделанные с душой. Ланьер выбрал серебряный медальон с тончайшей гравировкой, в такой внутрь можно вставить голограмму Алены. Идущие за врата непременно берут с собой какой-нибудь особый амулет – иконку, ладанку, крестик, мешочек с прядью волос. Амулет полагалось спрятать под одежду и никому не показывать – только тогда он тебя оградит и защитит. Дикий мир – мир суеверий. Виктор не верил в талисманы, но медальон решил купить.

– Идете за врата? – спросил хозяин и подмигнул.

Достал из-под прилавка связку колокольчиков. Те мелодично зазвенели.

– Берите. Всего пять евродоллов.

– Зачем?

– Берите, месье. На той стороне узнаете, в чем тут толк.

Ланьер отрицательно покачал головой: ему показалось, что продавец над ним издевается.

Парижанин не стал настаивать, только сказал:

– Голограмму не вставляйте – распадется. Закажите в мастерской рядом миниатюру. Всего три евродолла, и час работы.

Виктор последовал совету – миниатюра получилась великолепной, Алена на ней – как живая. До назначенной встречи с Сашкой времени оставалось всего ничего, так что к деду на улицу Дантона он уже не успеет. Ну что ж, заедет после встречи.

Уличные кафе пустовали.

– Куда все подевались? – спросил Виктор, пожимая руку Вязькову. – Неужели подались за врата?

– Возможно. В конце концов, наш мир под колпаком ужасно скучен. – Вязьков вскинул руку с комбраслетом. – Коммик, который начинает тревожно пищать, стоит мне хотя бы разозлиться на кого-то – разве это не строгий ошейник?

– Скорее, намордник. Тревожную кнопку придумали злобные начальники. Мне довелось работать с одним типом. Он нарочно доводил своих сотрудников до белого каления, каждый день у кого-нибудь включалась тревожная кнопка.

– На него подали жалобу?

– Не успели. Шеф нарвался на совершенно непробиваемого типа. Парню все было абсолютно по фигу, он как будто спал на ходу, но при этом недурно работал. Особенно любил указывать начальству на ошибки. Тут недосмотрели, там не учли. Все это произносилось на одной ноте, сонным голосом. После разговора с ним начальник по три раза на дню взрывался петардой. Так что через два дня накопленная агрессия понизила порог запуска ниже допустимого, и нашего мучителя отправили на коррекцию психики.

– И кто был ваш герой? Ты? – засмеялся Вязьков.

– Нет! Ну что ты! Я на такое не способен. В те дни вместо того, чтобы ходить на работу, ходил на консультации. К счастью, корректор попался неглупый, мы с ней очень живо беседовали.

– Ах, это была она?

– Ну да. Жанна Орловская. Она выступала в моей программе: «Душевные надсмотрщики».

– Помню, помню.

Они заказали бутылку «Шардоне». Мимо кафе, периодически выкрикивая: «Позор!», брела немногочисленная демонстрация. Неясно было, против чего они выступали: абстрактные голограммы над их головами могли обозначать что

угодно.

– Кстати, ты знаешь, что случается с теми, кто попадает на коррекцию психики повторно? – поинтересовался Вязьков.

– Реабилитационный центр. Оттуда только два пути – в психушку или за врата. Поэтому многие, имеющие «привод» к корректору, стремятся провести лето за вратами, и так сказать, обнулить свое дело.

– Так ты собираешься за врата, чтобы отбелить прошлое?

– Мой «привод» сняли. Я подал в суд, и дело сочти провокационным.

– Но ты все равно идешь за врата? – «Страж» ухмыльнулся. – Кризис жанра? Давно замечено: в порталах популярна только военная тема. Обыватель дорожит своим уютным мирком, вздрагивает при малейшем шуме, трясется и, роняя слюни, с восторгом смотрит репортажи о Диком мире, где убивают взаправду, при этом радуясь, что кровь льется где-то далеко. Успокаивают себя, повторяя: гибнут те, кто пошел на это добровольно.

– Ты презираешь обывателя?

– А ты – нет?

– Нет.

– Не лги.

– Я сам – один из них. Ни с кем не говорю свысока.

– Хочешь поднять рейтинг портала?

Виктор пожал плечами: опровергать это утверждение было по меньшей мере глупо.

– Рейтинг – великая вещь, – Ланьер аккуратно повел тему разговору к нужному повороту. – Но за воротами надо отыскать нечто особенное. То, о чем никто еще не слышал. Чего никто не видел. – Последовала долгая пауза. – Например – Валгаллу.

– Кто тебе о ней рассказал? – Вязьков, хмурясь, поглядывал на свой наладонный комп. Новостные сообщения сменяли друг друга, и по лицу его скользили отблески голограмм.

«Почему он не вшил себе информационный чип? Чиновник такого уровня обязан иметь электронного помощника, – подумал Виктор. – Или надеется пройти ворота?»

– Мы скрываем имена доносчиков. Как и вы, – напомнил Ланьер.

– Но ты хочешь знать, что «стражам» известно о Валгалле? – Вязьков нахмурился еще больше.

– Ты догадливый.

– А ты не слишком – для порталщика, во всяком случае. Так вот, мы знаем о Валгалле до смешного мало. Даже неизвестно точно, где она расположена. Где-то в центре смертельной зоны, но вот где – никто не ведает. Все попытки проникнуть заканчивались исчезновением любопытного. Мы отправили в Валгаллу свою экспедицию – никто не вернулся.

– Понял: путешествие очень опасно. Но что это такое? Порождение «милитари»? – Это объяснение было самым простым. Слишком простым, чтобы оказаться верным.

– Опять одни догадки. Некая организация. Военное формирование. Секта. Все, что угодно. Никто не знает.

– Занятно. Почему в порталах об этом неизвестно?

– Вопрос не по адресу, но лично у меня с каждым днем крепнет подозрение, что нашему миру может в ближайшее время очень сильно не поздоровится, –

скривил губы «страж».

– Ты можешь мне чем-то помочь?

– Дать карту? Или еще что-то в таком духе? Нет. – Вязьков вновь наполнил бокалы.

– Ну, хоть что-то.

– Кое-что я тебе могу сообщить. Например, рассказать про новый законопроект. Внесен неоконсерваторами в Мировой парламент два дня назад. Комитет по безопасности врат будет его рассматривать в ближайшие дни. Предлагается осенью выпускать в наш мир только порталщиков, врачей, полицию и наблюдателей. Стрелков оставлять за вратами. Навсегда.

Ага, Вязьков «сливает» ему информацию, надеется, что Виктор озвучит ее в портале. Как же! Ни один уважающий себя политик не проголосует за подобную глупость, разве что крайние «нео» захотят сделать себе рекламу накануне выборов. Один-два процента, максимум три. Не поставят даже на голосование. Но Вязькову зачем-то нужно, чтобы в порталах обсасывали эту пустышку.

– И чем «нео» обосновывают свой бред? – поинтересовался Ланьер.

– Очищение вратами по их мнению фикция. Кто убивал, тот убийца, и таким нечего делать на этой стороне.

– Они что-то знают про Валгаллу?

– Не думаю.

– Полковник Скотт прав: мы выгребли на ту сторону слишком много мусора.

– Ой, не надо! – взмахнул обеими руками Вязьков. – Только, пожалуйста, не цитируй Скотта.

– Буду цитировать. Пока не скажешь, что известно про Валгаллу. Вот, к примеру, отличная фраза: «Самое сильное чувство – это ненависть маргиналов. За

вратами все в той или иной степени маргиналы». Или вот эта: «Страх и агрессивность неразделимы. Все наше общество пронизано страхом. Мы боимся с утра до вечера, боимся потерять свой тихий чудный мирок». Или еще...

– Ну хорошо, Виктор, хорошо! Ты – великолепный пытатель. Сдаюсь! – Вязьков шутливо поднял руки. – Могу сказать одно слово. Вернее – два. Но если ты проболтаешься, я вылечу из «стражей» через две секунды. А может быть, и через одну.

– Я не болтлив.

– ...Сказал порталщик... – хмыкнул Вязьков. – Певец без голоса, программист без компа, порталщик, хранящий тайну, оксюморон. Ладно, я рискну.

Война

Глава 3

1

«Дураки бывают разные. Одни – просто дураки, а другие – пасики».

Этот анекдот Виктор всегда вспоминал, когда смотрел с холма на покинутую деревню пацифистов.

Смотрел и испытывал тревогу. Что-то схожее с зубной болью. (О зубной боли быстро вспомнили в завратном мире – тут о многом вспомнили, но не испугались, а приняли как неизбежную плату). Чем дальше Виктор смотрел, тем сильнее становилась тревога.

Сейчас идти туда, вниз, не хотелось смертельно.

«Смертельно», – нелепо говорить за воротами. Здесь смерть каждый миг у тебя за спиной. Дышит в затылок холодом. Порой сильно. Порой едва-едва.

Прежде, чем спуститься вниз, Виктор минут десять рассматривал деревню в бинокль.

Снабженный примитивным интеллектом, бинокль услужливо высвечивал названия попадавшихся ему объектов поверх изображения: «дом», «береза», «осина», «сосна», «дом», «сарай». Большинство ребят в первые же дни выламывали из своих биноклей «мозги», но Виктор был человеком терпеливым. К тому же в начале лета, когда закрылись ворота, чип тоже отключился. Ожил 1 сентября. Памятный день. Начало Второй Мировой. Третья началась в марте.

Ничего подозрительного так и не обнаружилось. Они спустились с холма и пошли по единственной деревенской улице. Ветер шумел в ветвях, кружил на дороге опавшие листья, сметая шуршащее золото к порогам мертвых домов. Где-то хлопала дверь. Или ставня?

Тишина. Покой. Красота. Яблони в садах. Яблони высотой с березу. Яблоки падают. П-пах... П-пах... Яблокопад, как звездопад – загадывай желание. Желание одно: пройти ворота. Вернуться.

Когда это, интересно, пасики успели яблони насадить? Сколько лет они жили в этой деревне? Впрочем – почему бы не жить? Земля тут щедрая. Но пасики как ушли весной, так и не вернулись. За все время, что трое «красных» просидели в блиндаже, приходя в себя после мортала, они видели только маров. Да еще призрак являлся.

Призрак – это условно. Призрак – потому что человек этот приходил неизвестно откуда и так же неизвестно куда исчезал. Появлялся он дважды. Одежда белая, белая борода, посох струганный, котомка за плечами. Пытались ловить – да куда там! Они только шаг сделают, а призрака уже нет. Сгинул. Борис хотел выстрелить ему вслед – Виктор остановил. Зачем? Зла от него нет, на мара не похож. Мало ли отбившихся от своих мыкается в эти осенние дни по лесу, отыскивая дорогу к воротам?

– Как ты думаешь, пасики все погибли, или кто-то успел убежать? – спросил Димаш.

Этот вопрос он задавал уже раз в десятый. После того, как все подходящие шутки кончились, Виктор попробовал не отвечать. Но ничего не получилось: Димаш повторял свою «загадку» вновь и вновь. Трупов пасиков они не видели. Ни одного. Хотя вещи валялись повсюду.

– Куда им бежать, сам посуди. Даже в сортире никто не спрятался.

– Ну, они могли убежать к воротам.

– Ты видел их у ворот, когда мы входили?

– Они могли проскочить мимо нас.

– Могли, конечно. Но что они делали все лето? Деревню весной разграбили.

– Почему ты думаешь, что весной?

– Потому что лук они посадить успели. И морковь. А огурцы и кабачки – нет. В оранжереях и на подоконниках засохшая рассада так и осталась стоять.

Морковь и лук на деревенских грядках выросли удивительные: каждая морковина – килограмма по два, а луковицы все, как на подбор, величиной с кулак. От нечего делать Виктор с Димашем два дня назад собрали овощей не меньше двух центнеров и забили припасами устроенный пасиками погреб. Для кого старались? Не ясно.

Верно, каждый думал об одном и том же: вдруг пасики вернутся к зиме? То-то обрадуются, обнаружив собранный кем-то урожай. На той стороне, за вратами, принято думать о том, кто идет или едет за тобой по дороге. Есть даже термин такой: «глаза на затылке». Этому учат, начиная с детского сада. В Диком мире глаза на затылке нужны лишь для того, чтобы заметить снайпера в засаде.

– Точно! – изумился Димаш. – Как вы все замечаете, Виктор Павлович?

– У меня дополнительный блок памяти и видеокамера в глазу.

– Seriously?

– Димаш!

– Ah, yes... You were kidding again. I understood. But the passersby could hide in the forest, wait, until the marauders go away, and then move.

Of course. In a sparse forest on a hill you won't hide. But if you managed to reach the river, then you could have taken a motorboat to the Great Lake. This is the only plausible version, giving pacifists a chance of survival. The house by the river was burned, but the boat on the shore, neither intact nor damaged, was not found. Although (this was closer to the truth) on the boats you could have escaped the marauders, that is, the marauders. Leaving, they set fire to the boat house.

– They could have been rescued, – continued to search for ways of salvation for unknown people Dima. He stubbornly refused to accept the version of the village's destruction.

– These are pacifists, Dima! They don't want to have anything to do with the military police. This is their principle.

– When your back is to the wall, it's better to forget about principles. For the children, it was necessary to save. And women.

– Dima, you would be in the wind – the most dangerous.

– How did you guess? – sighed Dima. Then he smiled. – I did it twice. But the test didn't pass. Empathy is not enough. But if on this side the wind was needed! – dreamily sighed Dima. – Me, if honestly, this world is much more to my liking. Here are such forests, lakes! But by the Great Lake, under the sail, to go! You were on the coast, weren't you?

– No.

– I wasn't either. Anyway, it's healthy here. And then... the truth is said: real friendship is only here, in the Wild World, and on the other side, people are cold, like fish.

– Это только кажется. Меньше эмоций. И потом – кто тебе мешает на той стороне быть человеком, а не рыбой? – спросил Виктор.

– Не знаю. На той стороне искренность смешно выглядит. Все такие правильные, доброжелательные. Какие-то ненастоящие. Здесь все иначе.

Прав Димаш – сбежали пасики: трупов нет ни в домах, ни на улице. А на кладбище – три могилы. Судя по датам на крестах – эти пасики умерли прошлой осенью. Мары убитых не хоронят. Напротив, изуродуют и к дереву прибьют. Или отрубленную голову на кол насадят. В рот что-нибудь запихают для смеха. Мары убивают всех: и «красных», и «синих»; забирают пищевые таблетки, оружие, запасные батареи, амулеты. Но главная летняя добыча маров – пасики... Тех они насилуют и режут с особым сладострастием.

Вот и знакомый дом. Виктор вытащил из кобуры «Гарин», взбежал на крыльцо, остановился. Тишина. Никого. Или...

– Встречайте гостей! – Ланьер толкнул дверь и отскочил в сторону.

Прижался к наружной стене. Как в бибишке. То есть в блокбастере. Дверь с протяжным скрипом отворилась. Откуда-то сверху с тихим шуршанием посыпалась труха.

– Кажется, никого... – сказал неуверенно Димаш.

Виктор огляделся. В самом деле, никого. Но сердце билось чаще обычного. Сделалось жарко. Во рту горчило. Почему так страшно входить в пустой дом? Мертвый дом. Сырость. Затхлость. Паутина по углам. Запах, как в склепе. Мутное зеркало в прихожей. На полке рядом – панамки да шапки, на крючке – рыжий плащ с оторванным рукавом. Виктор подмигнул своему отражению в зеркале: худой высокий мужчина в камуфляже. Камуфляж, впрочем, давно перестал менять расцветку, навсегда сохранив мутно-серый неопределимый цвет. Возле порога в комнату – расплющенный подошвой окурок. В прошлое их посещение здесь не было окурка – Виктор помнил. Значит, мары заходили в деревню еще раз. Но так осторожно, что с холма трое «красных» их не заметили. Возможно, мары прокрались ночью. Могли и к блиндажу подняться. Перерезать глотки всем троим во сне.

Виктор прихватил в кладовой топор и прошел в комнату. Здесь все было перевернуто еще с прошлого раза, из шкафа вывернуты ящики с нехитрым бараклом пасиков, сломана дверца самодельного сундука, из рамки выдернута висевшая над кроватью картинка. Только сколоченный из сосновых досок стеллаж с книгами (старинными, бумажными) мары не тронули. Странно, зачем пасики везли в этот мир бумажные книги?

Виктор усмехнулся:

– Мой дом десять лет назад обчистили, когда я в отпуск уехал. Забрали новенький комп, видеоголограф, куртку из псевдокожи. Джинсы, в которых я работал в саду, и те прихватили. Но ни одной бумажной книги не тронули. Помнится, я вызвал копов, стал проверять, что взяли, кинулся к шкафу с книгами, но инспектор меня остановил. «Не надо, – говорит, – не проверяйте. Книги никогда не воруют». Видимо, этот закон справедлив для всех миров.

Рассказывая эту историю, Ланьер снимал с полок книги и складывал в углу комнаты. Когда стеллаж опустел, вдвоем с Димашем они отодвинули его от стены.

Виктор опустился на колени и подцепил топором одну из досок. Взвизгнули гвозди, доска поднялась. Вторую Виктор приподнял без всяких усилий. Просунул руку в щель и принялся доставать узкие промасленные пакеты с термопатронами.

Димаш складывал их в мешок.

– Надо было все в прошлый раз взять, – сказал он, оглядываясь. – Кто знает, может быть, мары здесь все время бывают, а мы не замечаем. Если у них хамелеоновая форма, то за милую душу могут у нас под носом шастать.

Виктор поднял руку, делая знак замолчать. Что-то послышалось. Какой-то дальний, едва слышный звук. Чужой звук...

– Скорее! – Ланьер принялся выкидывать из тайника упаковки с люминофорами.

Да, не рассчитали, дурни. Думали – еще две недели назад за ними придет вездеход, и они будут уходить вместе с батальоном. Тогда бы и люминофоров, и термопатронов было в избытке.

2

Тень за окном. Мелькнула. Пропала. Или почудилось? Виктор уже закончил потрошить тайник.

– К окну! – приказал Димашу. – Без нужды не высовывайся!

Сам кинулся назад, в сени. В проеме наружной двери стоял человек. Чужой. Здоровяк. Глыба. После яркого солнца силился разглядеть, что внутри. В руках автомат. Человек прислушивался. Сейчас пустит очередь веером, и... Виктор выстрелил прежде. Дважды нажал на разрядник. Почувствовал, как нагревается рукоять «Гарина» в ладони. Громила рухнул как подкошенный. Кто-то закричал. Но не этот парень. Другой. Кажется, в комнате. Или где-то снаружи, но с другой стороны дома. Кричал истошно. Страшно. На одной ноте. На одном выдохе, который никак не кончался.

Виктор шагнул к убитому. Человек лежал на пороге, загораживая выход. Пришлось прыгать через него наружу. В неизвестность. Не останавливаясь, Виктор кубарем скатился с крыльца. Грохнула очередь. Взметнулись фонтанчики гравия. Виктор, не целясь, нажал на разрядник «Гарина». Нырнул за сложенные штабелем бревна. Попал он в противника или нет? Виктор прислушался. Тишина. Только ветер, да шорох листвы. По-прежнему где-то бьется неприкрытый ставень.

Хватит заряда в батарее еще на один выстрел? Хватит или нет? Надо было взять оружие у того, убитого... чем он был вооружен... чем?

И тут время остановилось, как тогда, в мортале. Вдруг рядом объявилась Валюшка. Круглолицая, румяная, в пестрой кофточке, в какой прежде Виктор никогда ее не видел.

– Я беременная, Виктор Павлович, а вы и не знали... – сообщила она, улыбаясь счастливо и наивно, как положено улыбаться при таких словах. – Девочкой.

Виктор увидел, что у нее огромный живот. Она, наверное, уже на девятом месяце, на сносях.

– Вы осторожнее. Тут мар за дровами. Ну, за этими бревнами. Рядом почти. К крыльцу подходит.

Видение мелькнуло и пропало. Время опять пошло.

Да, она права, мар подходит к крыльцу. Виктор его не видит, но слышит шаги... Надо встать во весь рост и выпустить заряд меж лопаток.

Виктор медленно распрямился. Мар шел, почти не скрываясь. Невысокого роста, сутулый, длинноногий, как цапля, в каких-то безобразных с толстыми раструбами сапогах и с толстенным поясом на животе, похожим на спасательный жилет. Мар был уже возле крыльца. Сейчас войдет в дом. А там Димаш...

Виктор прицелился. В голову мару. Красный лучик пометил черный капюшон. Готовься к смерти, скотина. Палец вдавил кнопку разрядника. Смерть.

Настоящая смерть, записанная в инфокапсулу. Потому что в прицел «Гарина» вмонтирована видеокамера, и включилась она в ту секунду, когда Виктор в первый раз нажал на кнопку разрядника. Весь этот бой, хаос и смерть, записан в инфокапсулу.

«Шефу не понравится, – подумал Виктор. – Мало экспрессии».

Он вложил бластер в кобуру (больше ни одного заряда в батарее не осталось) и пошел к убитому. Не скрываясь. Даже не оглядываясь. Никого рядом нет – он это знал. Откуда? Знал, и все. Говорят, дети виндексов обладают такой интуицией. Его отец был виндексом. Сердце сильно билось, Виктор приказывал: не части, и дышать становилось легче.

Из-за дома слышались выстрелы. Две очереди из автомата. Перестрелка. Димаш? Виктор склонился над убитым, рванул автомат. Какой он маленький! На оружие не похож, почти игрушка... Новая модель. Их зовут «пиявками». По первым буквам названия – PI-50. Специально созданы для завратной игры. Игры... дурацкие игры детей-переростков. Виктор не был уверен, что сможет из этой «пиявки» куда-то попасть. Еще одна очередь. Виктор бросился к углу дома. Добежал. Прижался к стене. Несколько раз судорожно глотнул воздух, перевел дыхание. Выглянул. На той стороне улицы сразу же вспыхнуло оранжевым – стрелок в доме напротив. Виктор прицелился. Что за дурацкий автомат?! «Синяки» их обожают – место экономят, любят, чтоб автомат в рюкзачок влез и плечи не оттягивал. Ланьер выстрелил почти наугад. Попал в окно. Посыпались стекла. В тот же миг рядом с его головой пуля срезала щепку от сруба. Тут же выстрелил Димаш. Из подствольника. Фотонной гранатой. Половина дома исчезла. Сложилась. Виктор закричал. Или он уже давно кричал, только не замечал этого? Наверное, давно... потому что он уже охрип, и во рту пересохло.

3

Тишина.

Виктор поднес «Дольфин» к губам. И тут будто обожгло. Как там Димаш?! Жив? Виктор побежал назад. В дом. Перешагнул через убитого громилу. Рядом с телом натекла темная лужа.

Димаш сидел на полу возле оконного проема. Пол вокруг него засыпан битым стеклом. Мелкие осколки посекали рядовому лицо. Плечо Димаша было в крови. Похоже, пуля угодила рядом с ключицей.

– Зацепило, – промямлил он побелевшими губами.

Виктор схватился за карман на рукаве. Там должен лежать индпакет. Должен быть. Но его не было. Он кинулся к Димашу, рванул карман у него. Пустой.

Затравлено оглянулся. Ведь это же дом. Надо поискать аптечку, пластырь, бинты. Может быть, даже стерилизатор и баллончик с искусственной кожей...

хотя вряд ли... аптечки мары крадут в первую очередь. Виктор метался по спальне, выворачивал ящики самодельного шкафа, находил женские кофты, полотенца какие-то, флаконы... это же шампунь. Сунул флакон в карман. Нашел запечатанную упаковку разовых носовых платков. Еще взял шарф. Кажется, хлопок. Пригодится вместо бинта. Попытался вспомнить, что говорили на инструктаже. Он же сдавал медицинский минимум. Но ничего не вспомнил. Ничего. Так... взять себя в руки. Не паниковать. Ножом он кое-как разрезал рубаху. Намокшая от крови ткань скользила под лезвием. Прижал к ране сразу несколько платков – это где входное отверстие. Теперь выходное. Еще платки. Затем замотать шарфом.

– Ну, как ты, Димаш?

– Хреново, – признался тот.

Виктор протянул ему свой «Дольфин».

Рядовой глотнул. Закашлялся.

– Идти можешь?

– Попробую.

– Я понесу термопатроны. Ты как-нибудь продержишься.

С окраины деревни, с той стороны, откуда они пришли, послышались выстрелы. Две короткие очереди. Потом еще одна. Тишина.

– Это Рузгин... Я его стрельбу узнаю, – прошептал Димаш. – Он всегда так бьет. Две короткие, потом одну подлиннее.

Судя по всему, стреляет наугад. Если бы видел противника, стрелял бы длинными.

– А вы з-з-дорово их... – хмыкнул Димаш. Его трясло. Губы прыгали.

– Ты тоже. – Виктор протянул раненому флягу с коньяком.

– Да я-то что... так... Гранатой. Сволоту маров так и надо. Хорошо, в этом году гранаты внесли в список...

Кому хорошо, а кому и не очень.

Опять короткая очередь. Ближе.

Виктор вышел из дома, не скрываясь. Дошел до угла. Выглянул. Рузгин шел посреди улицы. На глазах – очки-умножители. С индикаторами движения. В блиндаже нашел. Хорошая штукавина. Только ни к чему она. Все мары мертвы. Виктор это уже знал.

– Мы здесь! – крикнул он лейтенанту.

Рузгин развернулся и выпустил очередь по ближайшему дому на той стороне.

Затем кинулся бежать. Виктор дал две короткие очереди. На всякий случай.

Рузгин рухнул рядом. Но тут же вскочил. Привалился к стене.

– Вы как тут? Живы?

– Димаш ранен.

– Сиди здесь. Сиди и поливай улочку огнем. Я пройду по тылам.

Рузгин исчез. Виктор оглядывал сквозь прицел дорогу.

Незачем больше стрелять. Всех маров они перебили. Четверо мертвых врагов. А у них – только Димаш ранен.

«Только? Ты что, не понимаешь, Ланьер?! – одернул он сам себя. – Это же катастрофа! Как мы теперь успеем к воротам... Как?»

– Извини, но это глупо, – Алена всем своим видом демонстрировала возмущение. – Ты же сам говорил... ты утверждал! Я цитирую: «Война за вратами – безумие!» Ты клялся, что все это не для тебя! И вдруг!..

Они в самом деле часто обсуждали врата и каждый раз приходили к выводу, что идти на ту сторону нет никакого смысла. О Диком мире уже сказано достаточно. Злоба, агрессия, кровь – порталы смакуют наперебой сюжеты страшной игры. Еще один репортаж не добавит ни славы, ни денег, и ничего не изменит ни здесь, ни там. Тем более, что на лето была масса планов: отдых в Италии, парк развлечений Гардаленд, Верона, Флоренция, Пиза, Парма. Потом – театральный фестиваль в Амьене.

И вдруг в конце апреля Виктор заявил, что через два дня уходит за врата, что уже прошел курсы и инструктаж. Все готово: одежда, бумаги, доверенность. И завещание.

– Завещание? – переспросила Алена. – Значит, ты серьезно?

День выдался по-летнему теплый, даже жаркий. После заморозков и снегопадов в апреле установилась теплая, какая-то благодатная погода. Ветряк, от которого питался автономный генератор, крутился бесшумно, выписывал в синем небе замысловатые фигуры. Издали казалось, что огромный цветок распускается, а потом закрывает лепестки.

Из глубины сада тянуло прохладой. Даже на солнцепеке порой Алена зябко поводила плечами, но ни за что не желала надеть поверх сарафана кофточку или накинуть косынку. Ей хотелось тепла и лета, праздности и исполнения капризов. Плечи у нее чудо были как хороши. Идеальные, можно сказать, плечи. Божественные. Впрочем, в двадцать все женщины немного богини. Прежде всего потому что ждут безоговорочного поклонения.

Дом был большой, деревянный, с двумя верандами, построенный еще дедом Алены. На веранде хорошо в такие дни: теплынь, весенний ветерок веет в

открытые окна, а у входа на круглой клумбе – бело-желтое буйство нарциссов. И посреди гигантской пирамидой – одинокий розовый гиацинт. Алена по сложенным друг за другом плоским камням подходила в нему каждое утро – вдохнуть аромат. Она любила живые цветы. Живые – это те, которые росли и благоухали, а не увядали в вазе, напоследок демонстрируя свою красоту.

Алена была младше Виктора на пятнадцать лет. Девчонка. Но, несмотря на разницу в возрасте, у них было много общего. Порой они удивляли друг друга сходством вкусов. Как и Алена, Виктор любил деревянные дома. Старые, из бревен или брусьев, проконопаченные настоящей паклей. Они на годы и годы сохраняли запах смолы, прежнюю силу солнца, дух леса. Виктор с детства считал, что такие дома – живые. Главное – подружиться с домовым. В том, что домовые существуют, Виктор не сомневался и Алену убеждал. Она смеялась, не верила. Два года назад Виктор за огромную сумму купил старый особняк писателя Хомушкина. Тот особняк мало походил на хоромы Алены – роднило их лишь дерево, давшее этим домам жизнь. Кто такой Хомушкин? О таком литераторе ныне никто уже и не знает. Даже Алена, читавшая поразительно много и совершенно бессистемно, не могла вспомнить эту фамилию. Сам Виктор тоже о бывшем хозяине своего обиталища ничего не слышал до покупки. Теперь, живя в его доме, вечерами читал книги прежнего владельца. Попадались весьма любопытные. Дом был большой, с участком, со старым садом и ухоженным газоном, с высокими деревьями вдоль дороги. Рядом с домом – просторный гараж и маленькая личная мастерская. Летом замечательно. Зимой немного уныло. Виктор любил мастерить. Одно неудобство: дом построил известный архитектор, новый хозяин по контракту с комитетом охраны памятников не мог ничего перестраивать. Все должно было оставаться таким, как во времена этого Хомушкина. Виктор был суеверен... в том смысле, что полагал: почти каждое событие является особым знаком, надо только уметь этот знак расшифровать. То, что Виктор незадолго до знакомства с Аленой купил особняк, больше подходящий для большой семьи, чем для холостяка, несомненно, было важным знаком, и он этот знак растолковал как некое благословение Вселенной. Сама же Алена дедовым домом не владела – он лишь жила в нем, в любой момент готовая сняться и уехать.

– Я не стрелком на ту сторону иду, – напомнил Виктор. – Меня Гремучка направляет с заданием от редакции, очень важно – в самом деле важно – честно рассказать о летней экспедиции. Ты же знаешь – новости без «диких» новостей никого больше не интересуют.

– Тебя аккредитуют при штабе? – в голосе Алены прозвучала надежда.

– Нет, я зарегистрировался в чине лейтенанта. Буду находиться при батальоне.

– Ага! Я так и знала! Полезешь в самое пекло!

Алена, как всегда, говорила запальчиво, дерзко. Она вообще заводилась с пол-оборота. Ничто не могло оставить ее равнодушной. В такие минуты Виктор обожал на нее смотреть: на щеках вспыхивал румянец, большие серо-голубые глаза так и сияли.

– Неужели слово какого-то Гремучки для тебя закон? Наплюй на него! Уйди из его портала. Посмотрим, как он без тебя попляшет.

Виктор тоже любил так рассуждать в двадцать лет, восстать против в всех и с компом наголо в атаку... С тех пор он поумнел. Правда, совсем немного.

– Не волнуйся, дорогая, он тут же найдет другого. Пусть хуже, но как раз это мало кто заметит.

– Вся слава достанется ему. А тебе опять только шишки.

– Конечно.

– Так зачем...

– Не знаю. Не хмурься, дорогая. Тебе не идут эти насупленные бровки.

Алена закусил губу. Этот его насмешливый тон, эта бесконечная ирония иногда выводили ее из себя. Виктор давно бы мог иметь свой портал, нанять людей, давать указания. Мог бы, но не имел.

«Зачем мне свой портал? – отвечал вопросом на вопрос Ланьер. – Я хорошо сплю ночами. Хочешь, чтобы меня, как Гремучку, мучила бессонница?»

Она не понимала его – какая банальность! В нем переплелись черты несовместимые: полное отсутствие честолюбия сочеталось с постоянным желанием рисковать. Душевная апатия – с энтузиазмом. Если человек рискует, разве он не должен быть честолюбив? Так считала Алена. Характер Виктора противоречил этому убеждению. «Противоречить – моя профессия, – приговаривал Ланьер. – Даже для тебя, моя лапочка, не могу сделать исключения». Она злилась, пыталась что-то возразить. Но все равно он безумно ей нравился. И с этим безумием ничего нельзя было поделать. Ланьер очаровывал, гипнотизировал, но не становился при этом ближе. Казалось порой, начни она его хоть чуть-чуть понимать, очарование тут же рассеется, и она станет относиться к Виктору, как к прочим молодым людям: дерзить, насмешничать и втайне презирать. Он обладал многими талантами, был прекрасным программистом и дизайнером, обустраивал свою программу так же легко как другие обставляют комнату. Мог починить ступеньку крыльца или домашней компьютер с одинаковой легкостью. Одним словом, идеал (или почти идеал). Все виртуальные знаменитости, что мелькали год из года на популярных порталах, и в подметки не годились Виктору, – считала Алена. Она плакала из-за его неудач, а он только пожимал плечами и повторял, что ему проще быть незаметным. Она была уверена, что только какие-то дурацкие обстоятельства помешали ему стать реном, одним из столпов этого мира. Таким, как Даниил Петрович...

«Быть знаменитым некрасиво», – цитировал Виктор с улыбкой.

Если бы у него была цель в жизни! Высокая цель... мечтала Алена. И выпалила однажды любимому в лицо: «Виктор Ланьер, вы предназначены для великой миссии». Он хохотал до слез, а она обиделась. Все кончилось ссорой и разлукой на две недели. Нет, меньше, на десять дней. Виктор не выдержал, позвонил первым, но и Алена тут же его простила.

Нельзя сказать, чтобы Виктору не нравилось восхищение Алены. Ему льстило и забавляло ее восторженное почитание. Но он (и по собственному опыту тоже) знал, что в мире не так мало женщин, которые ищут будущих гениев, великих рефов, чтобы всегда быть подле, возносить и помогать – гениальность. Но что бывает, когда такая дама обнаружит, что ее избранник ничем не замечателен? Получится настоящая многодневная пытка. Наверное, самое страшное – постоянно слышать восторги по поводу твоих талантов и сознавать, что ты – обычный средний человек, обыватель.

Если честно... (перед собой, Алене он еще не говорил ни слова), Виктор даже задумывался иногда: не расставаться ли им? Куда проще с женщиной, которая не станет требовать от любовника или мужа невозможного. Алена, быть может, найдет истинного гения, или, что куда вероятнее, истинное ничтожество, и будет холить его, боготворить и продвигать, изо всей силы толкая в спину, положив на безнадежное дело всю свою долгую жизнь. Виктору было больно даже мысленно произносить это слово – расстаться. Но хотелось быть честным – с собой и с нею, не обманывать ни в чем, даже невольно. Нет, самому не сделать этот шаг, – уж это он знал точно. Все должна решить судьба. Так, чтобы не было колебаний или-или, а было только одно-единственное решение, которое уже невозможно изменить.

И тут Виктор услышал про Валгаллу, и это слово мгновенно в нем все перевернуло. Чутье подсказывало ему: вот это действительно МИССИЯ. Не та, что в игре, а та, о которой не говорят вслух. Можно сказать, приговор. Приговор Судьбы.

Его смущало лишь то, что при Алене (в какой бы она пришла восторг, как бы восхитилась!) он не мог и заикнуться про эту тайну. Не потому, что не доверял, как раз наоборот. Но тут сказывалась профессиональная привычка: пока дело не закончено, о нем нельзя говорить никому, даже самым близким, ни для кого не должно быть исключения. Из-за этого Виктор когда-то поругался с Артемом.

«Похоже, она была права, и я в самом деле на что-то сгожусь, если там, за воротами, сумею отличиться. А я сумею, поверь... И тогда...»

– Тетя Надя идет, – Алена улыбнулась плотно. – Ну, берегись, она тебе мозги прочистит.

Виктор посмотрел в окно. Так и есть: по тропинке с важностью, как минимум, императорской фрейлины шествовала Надежда Сергеевна, Аленкина тетушка, лидерша пацифистского движения «Эдем». Задачу «Эдем» перед собой ставил грандиозную: обратить в ангелов всех людей по ту сторону врат, перековать мечи на орала, а все бластеры – на металлорежущие мини-станки; в зоне войны сотворить Эдем и поселить людей, жаждущих общения с природой. Пацифисты вербовали сторонников по всему миру и, как только в марте открывались врата, переправлялись на ту сторону – возводить мирные поселения и города, воплощать идею в жизнь. Оружия с собой они не брали демонстративно, охрану не нанимали, и потому мародеры шли за пасиками следом от самых врат, как

стая волков за жирными оленями. Поначалу, в присутствии военной полиции и наблюдателей, мародеры пасиков не трогали, тем удавалось без потерь миновать и главный тракт, и перевал Ганнибала, а дальше они небольшими группами уходили в леса и долины. Что было дальше, рассказывали потом порталышки, если забредали в разоренные деревеньки... Бессмысленное действие? «Ненасильственное сопротивление всем насильникам кажется бессмысленным, – как заклинание повторяли пасики. – Просто марам не хватает любви, мы их спасем своей любовью».

Виктор поморщился при виде Надежды Сергеевны, как будто проглотил что-то невыносимо кислое. Но разговора было уже не избежать: не удирать же через комнаты и черный ход в сад и дальше к реке. Из гостей тетя Надя быстро не уйдет. Оставалось одно: – сидеть на месте и ждать вторжения.

Надежда Сергеевна вошла. В ее внешности прежде всего в глаза бросалось несоответствие между ее нелепой, почти уродливой фигурой (маленький рост, бесформенная полнота, плоский зад и выпирающий живот) и красивым породистым лицом с дерзким взглядом живых серых глаз. На ней было платье из лилового плотного шелка. Рукава буфами, юбка колоколом. Глубокое декольте открывало весьма перезревшие прелести.

Виктор встал и поклонился. Ручку не поцеловал – Надежда Сергеевна не терпела подобных любезностей.

– Здравствуй, Аленушка. Никак чаем жениха потчуеть? Что к чаю? Рулетик? И мне отрежь. Потолще. Я тонкие ломтики не люблю.

Она сама налила себе крепчайшего чаю, одной заварки, кипятка из самовара капнула для теплоты.

– Наши отправляются через врата послезавтра. Я уже манифест приговорила, – сообщила после пары глотков.

С детским задором, совершенно неуместным в женщине за пятьдесят, она выложила перед Аленкой голубую страничку, украшенную серебристой голограммой голубя. Птица мира помахивала крылышками и радостно разевала клювик. Воркования, однако, не слышалось.

– Прочти, настоятельно советую, – объявила тетя Надя. – Это новый уровень.

Алена нахмурилась:

– По-моему, нечестно звать на ту сторону беззащитных людей. Их там грабят, насилуют, убивают.

– Все дело в том, что нас слишком мало. Если бы все решились! – отмахнулась от ее доводов Надежда Сергеевна. – Если бы все пошли. Или хотя бы процентов десять людей мира встали с нами, Дикий мир превратился бы в Эдем. Когда пацифистов окажется больше, чем стрелков, раз в пять, мы преобразим завратный мир.

– Ничего нового не будет! – Алена разозлилась и уже не могла скрыть своей злости. – Пацифисты безоружны. Вот если бы им дать хоть какое-то оружие!

– Какое? – с вызовом спросила Надежда Сергеевна. – Пулемет? Лазер?

– Я не знаю. Но что-то адекватное оружию... хотя бы силовые установки для защиты. Да, почему вы отказываетесь от силовых установок?

– Отказываемся? У нас нет денег на такие установки. Хотя ошибаюсь, два поселения мы уже сумели оборудовать. Вот если бы вы пожертвовали... – Она окинула взглядом веранду. Алена невольно съежилась, представив, как тетя Надя продает после смерти деда этот дом, чтобы купить третью силовую установку. Дом был завещан Надежде Сергеевне, дед заранее объявил свою волю и просил Алену не оспаривать завещание. Алена обиделась, но слово деду дала.

– К сожалению, одна или две установки дела не решат. У нас сотни поселений, – вздохнула Надежда Сергеевна.

– И многие из них пережили зиму? – не выдержал Виктор. Он знал, что с тетей Надей в спор лучше не вступать, но не мог удержаться.

– Вот вернутся связные осенью, тогда и увидим, – объявила Надежда Сергеевна.

– Погляжу, не сомневайтесь. Про деревни пацифистов я непременно сделаю репортаж, – пообещал Виктор. – Расскажу, как они там процветают.

– Вот как? Вы идете с нами? Вы должны непременно с нами пойти. Остальные группы пацифистов решают сиюминутные задачи, тогда как мы... – Тетя Надя аж приподнялась на стуле, готовая агитировать Виктора за вступление в ряды «Эдема», чем она занималась неоднократно.

– О, нет, я сам по себе, не с пасиками.

– То есть фактически стрелком? – взгляд Надежды Сергеевны сделался колючим, а улыбка – ядовитой. Тетя Надя явно передергивала. Портальщики никогда не бывают стрелками. Портальщики – это каста. Бывшего стрелка они не примут в свои ряды. – Будете убивать?

– В случае угрозы для жизни – придется. Чтобы не прикончили самого. Знаете, нет никакого желания нарочно подставлять лоб под пули.

– Ради того, чтобы прогреметь в виртуале, вы готовы застрелить живого человека? Разумеется, тут многие считают стрелков героями, но на самом деле они – обычные убийцы, которым врата развязывают руки.

– Самое глупое занятие на свете – оправдываться, – заметил Виктор.

– Вы сами сказали, что готовы убивать. Разве для этого есть оправдания?

– В пасиков я не буду стрелять. А иногда хочется – признаюсь.

– Вы всегда найдете для себя оправдания, лазейку...

– Вам нравится приписывать другим подлость, добавлять яду в каждую фразу.

– Яд необходим. – съехидничала Надежда Сергеевна. – Хотите быть стрелком и остаться чистеньким? Не получится.

– Я – портальщик... Да ладно, ладно. Я не стану кричать о своей невинности.

– Значит, вы согласны испачкаться?..

– Вам этого хочется? Чтобы я оскоромился?

– И если вам доведется кого-то убить, расскажете об этом?

– Возможно.

Виктор стиснул зубы. Чувство было мерзейшее. Как будто его только что заставили признаться в совершенном преступлении, хотя на самом деле ничего дурного он не сделал.

– Виктор не способен на подлость... – кинулась ему на помощь Алена. – И потом, он же сказал: его дело – репортажи. Он будет снимать на инфашки, а не участвовать в операциях. Рассказать правду – разве это так мало?

«Надо спешно заканчивать разговор. Спорить дальше – невыносимо», – решил про себя Ланьер.

– Кстати, вы давно общались с полковником Скоттом? – спросил Виктор, отлично зная, как Надежда Сергеевна относится к полковнику.

– Предпочитаю общение с обычными вояками, чем с этим фальшивым миротворцем, – Надежда Сергеевна поднялась. – У меня масса неотложных дел. Не провожайте. Ни к чему, – заявила строго, видя, что Алена поднялась – сопроводить ее до калитки. – Я знаю дорогу.

Тетя Надя удалилась, шурша своим лиловым платьем-колоколом.

– Разве мы не знаем всю правду о той стороне? – проговорила Алена задумчиво.

– Мне кажется, что нет. Завратный мир представляется здешним обитателям весьма превратно. – «Неплохой каламбур», – усмехнулся про себя Виктор. – Мы боимся той стороны, а значит – проявляем агрессивность. Мы против них, и так было всегда. Наш мир стал един только благодаря Дикому миру. И страх, как всегда, преувеличен.

– В крайнем случае, ты можешь уйти к метеорологам. Стрелков на станции не пускают, но портальщика пустят. Только не потеряй удостоверение.

– Я зашью его в подметку. Или в трусы...

Он зря иронизировал. Это как раз была здравая мысль. Обычно столь здравые замечания у Алены появлялись всегда после первого взрыва эмоций. Одно время Виктор опасался, что Алена уйдет к пассикам, но вскоре понял, что боится зря. Запальчива-то она была, спору нет, но некое благоразумие присутствовало. Или он ее плохо знал? Виктор поднялся, поцеловал Аленку в щеку, потом потянулся к губам. Она отвернулась.

– Не сейчас.

Несмотря ни на что она продолжала злиться за его безрассудность. Заслужить прощение будет непросто. Разве что... исполнить миссию.

– Ты просила починить скамейку, – очень кстати вспомнил Виктор. – Сейчас беру инструмент, и...

Алена вздохнула в ответ. Напоминание о садовой скамейке тут же связалось в логическую цепочку: скамейка – лето – несостоявшаяся поездка – одиночество. Неужели теперь все лето торчать дома?

– У нас еще вся жизнь впереди! – подмигнул ей «злой гений».

– А если ты погибнешь?

– Поедешь на следующий год в Италию без меня.

Виктор принес инструменты и первым спустился в сад.

– Может быть, хочешь отправиться за врата вместе? – предложил он. И сам испугался – вдруг согласится.

– Нет, нет, ни за что! – запротестовала Алена.

– Ну, слава богу, а то я думал, что у тебя возникла охота кого-нибудь подстрелить. Нет? Не возникла?

– Разве что тебя... – невесело рассмеялась Алена. Она не могла дуться на него долго – как ни старалась. Спустилась с крыльца. Сделал шаг к клумбе и замерла.

– Мой цветок!

Роскошный розовый гиацинт исчез. Нарциссы, лишившись великолепного товарища, желтели на клумбе сиротливо. Было ясно, что цветок сорвала тетя Надя, удаляясь.

– Ну зачем так... – воскликнула Алена.

И вдруг разрыдалась.

– Зачем так! Зачем? – Она развернулась и кинулась назад в дом.

Виктор вертел в руках молоток и не знал, что сказать.

Чуть-чуть яду Надежда Сергеевна им в жизнь добавила.

Война

Глава 5

1

Скорее! Борис чертыхался, Виктор пытался отшучиваться. Димаш молчал. Суета походила на панику. Впрочем, что уж тут, будем честны... Они паниковали. Что делать? Мысленно каждый задавал себе этот «проклятый» вопрос.

Перетряхивали рюкзаки – ношу теперь пришлось делить на двоих. Люминофоры к черту! Нет, пару возьмем. Термопатроны взять. Три штуки. Палатку? Нет. Только спальники. Димаш ничего нести не сможет. Сам хоть бы шел. Вряд ли. Черт! Придется взять сборные носилки. Два кило лишнего веса. Жратву не оставишь – голодным не пойдешь. Стимуляторы не забудь! Где же они?! Скорее! Виктора трясло. Это после боя. Обычно стрелкам выдают специальные таблетки с хитрым названием. На местном сленге их называют «Опосля». Принял – и вновь свеженький, как огурчик. Ни дурацкого смеха, ни тряски. У «синих» в блиндаже таких таблеток не оказалось. Пришлось хлебнуть коньяку. Каждому досталось по паре глотков.

– Коньяк? Французский? – спросил восхищенно Борис.

– Сомневаешься? – пожал плечами Виктор. – Кто-кто, а я точно определяю, подделка или нет.

– Грибы куда спрятать?

– Что?

– Грибы, говорю. Не выбрасывать же? – Борис встряхнул мешок с сушеными грибами. Это был его летний трофей. Пахло одуряюще. Грибы проносить на ту сторону не разрешалось. Сувениры – пожалуйста. А грибы – ни-ни.

Но и выбрасывать добычу рука не поднималась.

– Неплохой бочонок. – Виктор подтолкнул канистру из-под термопатронов.

Рузгин доверху набил ее грибами. Схоронил в лежанке, накидал сверху еловых лап. Грибы найдут непременно. Заберет кто-то, кому они могут понадобиться. Этот «кто-то» может быть маром. Но и пасиком тоже – из тех, что уходят в завратный мир навсегда в надежде искоренить войну и утвердить здесь мир. Иногда Виктор завидовал их слепой вере. Сам он никогда не был фанатиком.

«Истина, может быть и существует, но не она движет нами», – приговаривал он. Про себя.

Воды взяли про запас лишь по одной фляге плюс на каждого по два «Дольфина». Три аптечки «синих» (впрочем, у «красных» были точно такие же аптечки, изготовленные фирмой «Мед?юнайтед»), пищевые таблетки, осветительные ракеты. Димаш, лежа в спальном мешке, с унылой покорностью наблюдал за сборами. Сознавал, что стал непосильный обузой, гирей, что утянет на дно. Как они доберутся? Были бы сильными – дошли. Но мортал отнял у них здоровье и волю, у каждого то и дело голова кружилась, ноги подкашивались. Димаш будет их постоянно задерживать. Два дня в запасе? Теперь это казалось насмешкой. Вышли бы вчера. Позавчера... Что толку стенать? Вчера уже миновало!

– Говорят, врата держат еще две недели в дискретном режиме, чтобы все отстающие могли пройти, – проговорил Димаш не очень уверенно. На руку ему Виктор надел две манжеты с физраствором. (Эти манжеты они нашли в рюкзаке мара, те, что были в блиндаже, давно кончились). Немного сил раненому это должно было прибавить. В зубы пару таблеток стимулятора – и вперед...

– Нет, слишком тяжело! – Рузгин вновь принялся потрошить рюкзак.

– Правда, что у людоедов глаза светятся? – спросил вдруг Димаш. – Особенно в темноте.

Ни Виктор, ни Борис не сомневались, что рано или поздно (и, скорее всего, рано) им придется тащить на носилках раненого.

Оружие они взяли только на двоих: Виктор вставил в рукоять «Гарина» батарею из бластера Рузгина, в которой оставалось три заряда – это если перевести разрядник на максимум. Бластер во многом уступал стрелковому оружию, но у него имелось важное достоинство: регулировка энергии луча. Если поставить регулятор на минимум, то выстрелом можно обжечь – и только. Чтобы убить, надо перевести регулятор за красную черту. Терминусом – границей между жизнью и смертью называют эту алую метку.

Рузгин прихватил автомат и два запасных рожка. Излишняя тяжесть, но безоружными по Дикому миру не ходят. Безоружный – это пасик, добыча, мясо. Уж лучше сразу зазимовать в деревне, покорно ожидая маров.

– Ребята, я смогу идти... – пробормотал Димаш. – Честно... я сейчас встану и пойду...

– Уж постарайся, – процедил сквозь зубы Борис.

Он злился на товарища, и понимал, что злиться глупо: пуля мара могла зацепить любого. Винить надо было себя: зачем сидел в блиндаже до последнего, зачем ждал обещанный вездеход, когда было ясно, что Васильев ничего им не пришлет. Уходить надо было неделю назад, когда начался великий исход, эфир гудел позывными «красных» и «синих», что отступали к вратам. Три глупца (начало анекдота, ха-ха!) сидели в блиндаже, ели консервы (еда делает людей благодушными) и ждали. Апатия... как рецидив... великое равнодушие поселил в их душах мортал. Ждать и есть. Есть и ждать. Никуда не хотелось идти. Даже подняться надо было каждый раз себя заставлять. Где теперь их батальон? Неизвестно.

Рузгин мог еще злиться на себя за приказ отправиться в деревню – в конце концов, не зима, и трое здоровых парней вполне могли обойтись без термопатронов.

Виктор вздохнул. Он тоже мог бы упрекнуть себя. Был недостаточно настойчив утром. Ему не хотелось идти в деревню... Предчувствие... тяжесть... Интуиция его прежде не подводила. Что толку теперь вспоминать? Он давно взял за правило – не истязать себя за промахи. Всегда есть такие, кто причинил куда больше зла.

2

Собрались только в четырнадцать по абсолютному времени врат. Время в сутках в обоих мирах совпадает с точностью до секунды, когда врата открыты. И если ты не в мортале, не в зоне ловушек... Слишком много «если» в этом мире густых лесов и бурных рек. Слишком поздно они выходят. Но делают вид, что успеют. Выйти сегодня – каждый думал только об этом. «Еще успеем», – повторяли мысленно и вслух.

– Ну, все, пошли! – объявил Рузгин и взвалил на плечи рюкзак.

Виктор последовал его примеру.

Димаш поднялся с трудом. Рука на самодельной повязке, в лице ни кровинки. Губы дрожат. Укол инъектора. Пара таблеток. На стимуляторах долго не протянешь.

Двигаай, приятель...

Димаш шагал, как пьяный. Зашатался. Попробовал ухватиться за воздух.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/burevoy_roman/vrata-voyny

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)